

193.5.1

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 5

МАЙ

1872

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8-го марта 1862 года, журналы правительственныхъ учреждений изъяты отъ разсмотрѣнія общей цензуры, почему „Военный Сборникъ“ издается г. редакторомъ онаго подъ личною его отвѣтственностію и наблюденіемъ Военнаго Министерства.
С.-Петербургъ, 30-го апрѣля 1872 года.

Главный редакторъ „Военнаго Сборника“,
Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ **Меньковъ**.

I.

ВТОРЖЕНІЕ КОКАНЦЕВЪ ВЪ АЛАТАВСКІЙ ОКРУГЪ ВЪ 1860 году.

(Съ картою и планомъ).

Южная часть нынѣшней Семирѣченской Области, до образованія, въ 1867 году, туркестанскаго генералъ-губернаторства, составляла прежній Алатавскій округъ, граничившій на сѣверъ съ рѣкою Каратолъ, на западъ съ теченіемъ рѣкъ Чу и Курогаты, а на югъ и востокъ не имѣвшій опредѣленныхъ границъ, потому что разграниченіе наше съ областями западнаго Китая, въ которыхъ возникли потомъ инсurreкціонныя мусульманскія владѣнія Кашгаръ и Кульджа, еще не было произведено. Главное населеніе округа составляли кочевники, киргизы Большой Орды и, такъ называемые, каракиргизы, именовавшіеся въ офиціальномъ перепискѣ «ди́кокаменными киргизами». Всѣ киргизы дѣлились на роды, роды на отдѣленія.

Большая Орда состояла изъ трехъ главныхъ родовъ: 1) *дулатовцевъ* (9,500 кибитокъ или до 38,000 душъ обоего пола), кочевавшихъ южнѣе рѣки Или, между ею и рѣкою Чу, по обоимъ берегамъ послѣдней; отдѣленія этого рода: *чапрашатинцы* (2,000 юртъ или кибитокъ) и *джанысовцы* (800 юртъ) находились ближе другихъ къ рѣкѣ Чу и представляли, такимъ образомъ, пограничныя съ коканцами волости; 2) *джалаиловцевъ* (8,500 кибитокъ или до 34,000 душъ обоего пола), бродившихъ сѣвернѣе рѣки Или, между озеромъ Балхашемъ и почтовою дорогою изъ укрѣпленія Вѣрнаго въ городъ Копаль, и 3) *атбановцевъ* (7,500 юртъ или до 30,000 душъ), кочевавшихъ по обоимъ берегамъ рѣки Или, между Алтынъ-

омельскою горною грядою и предгоріями Алатавскаго хребта, направляющимися отъ сѣверо-восточнаго озера Иссыкъ-куль. Всѣхъ кочевниковъ Большой Орды считалось до 25,500 кибитовъ или до 102,000 мужчинъ и женщинъ; но исчисленіе это было далеко отъ вѣрности.

Каракиргизы, названные въ нѣкоторыхъ отчетахъ общимъ именемъ *богинцевъ*—хотя это названіе давалось въ то же время и болѣе мелкому племенному подраздѣленію—бродили между рѣками Чу, Курогаты, Александровскимъ хребтомъ, спускались въ долину рѣки Нарына, передвигались по южному и восточному берегамъ озера Иссыкъ-куль. Они вели вѣчную войну (постоянные грабежи и баранта, т. е. угонъ скота) со своими сосѣдями: родами булатовскимъ и атбановскимъ. Въ управленіи каракиргизовъ не было принято никакихъ административныхъ мѣръ, и хотя они называли себя, когда было нужно, русскими подданными, но въ сущности считали себя совершенно независимыми, да и были таковы на дѣлѣ; такъ что, въ то время, было можно скорѣе назвать ихъ союзниками нашими, чѣмъ подданными. Ближайшіе къ рѣкѣ Чу аулы назывались «зачуйскими» волостями и принадлежали къ частямъ родовъ *сарыбагшешей* и *султы*.

Въ 1860 году мы насчитывали нашихъ псевдо-подданныхъ изъ черныхъ (кара) киргизовъ 15,000 кибитокъ или до 60,000 мужчинъ и женщинъ. Кочевники эти дѣлились на роды: *султы* (7,500 юртъ), состоявшій изъ двухъ отдѣленій: Толкана и Булекная, *сарыбагшешей* (6,400 юртъ) и *Саяка* (1,100 юртъ).

Начальниками въ волостяхъ киргизовъ Большой Орды были султаны, которыхъ наше правительство обыкновенно поощряло разными наградами: офицерскими чинами, орденами и т. п. У каракиргизовъ правила мананы, потомки ихъ прежнихъ владѣтельныхъ родоначальниковъ. У тѣхъ и у другихъ судьи назывались біями. Біи имѣли большое вліяніе на умы кочевниковъ.

Осѣдлое населеніе Алатавскаго округа, менѣе многочисленное, состояло изъ пришельцевъ: казачьяго населенія (7,000 душъ обою пола), войскъ и изъ торгующихъ русскихъ и сартовъ. Административнымъ центромъ управленія округа было укрѣпленіе Вѣрное, основанное въ пятидесятыхъ годахъ и состоявшее собственно изъ укрѣпленія и изъ двухъ значительныхъ станицъ: Больше-Алматинской и Мало-Алматинской.

Въ началѣ 1860 года, коканцы послали отрядъ на юго-восточ-

ную часть озера Иссыкъ-куль, съ тѣмъ, чтобы построить укрѣпленіе среди кочевьевъ богинцевъ, признававшихъ номинально нашу власть. Киргизскій родъ сарыбагшешей, ободренный прибытіемъ коканцевъ, усилилъ свои вѣчные наѣзды на нашихъ киргизовъ Большой Орды, именно на родъ атбановцевъ. Приближеніе отрядовъ двухъ казачьихъ офицеровъ, подполковника Шайтанова и сотника Жеребятѣева, заставило уйдти коканскій отрядъ, а богинцевъ частью перевалить за Тяньшанскій хребетъ, частью продѣлать предъ нами фарсъ изъясвленія покорности.

Коканцы, не желая уступить русскимъ, въ концѣ іюля послали нѣсколько отрядовъ за рѣку Чу, и въ то же время направили пяти-тысячный отрядъ, подъ начальствомъ Рустемъ-бека, къ Кастеку. Отрядъ этотъ былъ разбитъ полковникомъ генеральнаго штаба Циммерманомъ (*) на рѣкѣ Джиринь-Айгырь, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашего укрѣпленія Кастека, и разбѣжался. Чтобы проучить коканцевъ, полковникъ Циммерманъ, считая наступившее время удобнымъ, во исполненіе плана, давно задуманнаго сибирскимъ начальствомъ, подготовившимъ, исподоволь, всѣ нужныя для экспедиціи средства, въ концѣ августа двинулся съ отрядомъ изъ Кастека на укрѣпленіе Токмакъ и, овладѣвъ имъ, покорилъ вслѣдъ затѣмъ, въ первыхъ числахъ сентября, второе, болѣе значительное, коканское укрѣпленіе Пишпекъ.

Взятіе этихъ крѣпостей обратило вниманіе коканскаго правительства на утвержденіе русскихъ въ Заилійскомъ краѣ и на первые завоевательные ихъ шаги въ долину рѣки Чу. Особенно поражены были коканцы паденіемъ Пишпека, считавшагося сильнѣйшею крѣпостью на восточной границѣ ханства. Коканцы задумали однимъ рѣшительнымъ ударомъ уничтожить наше владычество, и, собравъ всѣ свободныя силы свои, притянуть къ себѣ зачуйскихъ киргизовъ и прочихъ каракиргизовъ, возмутивъ въ то же время, въ тылу нашемъ, всѣ киргизскіе роды. Подробности и время исполненія своего плана коканцы пока не опредѣлили; но въ сентябрѣ начали стягиваться отряды и небольшія партіи конныхъ и пѣшихъ сартовъ, а между нашими киргизами стали появляться воззванія, во имя вѣры приглашавшія ихъ на войну противъ русскихъ.

Съ нашей стороны, напротивъ, все успокоивалось. Пишпекская экспедиція была кончена и большая часть отряда вернулась въ укрѣпленіе Вѣрное. Части войскъ, на время экспедиціи притянутыя за рѣку Или изъ Копала, пошли домой обратно. Артилерійскій взводъ

(*) Теперь генералъ-лейтенантъ.

сибирской пѣшей батареинной батареей сдалъ орудія въ вѣрненскій складъ, а прислуга повела лошадей на продажу въ Копаль, гдѣ стоялъ другой взводъ батареи, потому что вышло распоряженіе: весь дивизионъ, находившійся въ киргизской степи, привести на мирное положеніе, подобно 1-му дивизиону той же батареей, квартировавшему въ Омскѣ и сокращенному уже до мирнаго состава.

Военныя силы Заилійскаго края, къ началу октября, были распределены слѣдующимъ образомъ:

Въ *Кастекъ*: одна рота, одна сотня, три полевыхъ орудія (батареинное и два легкихъ) безъ лошадей, приданныя на усиленіе верховъ укрѣпленія, и два ракетныхъ станка съ пѣшею прислугою.

Въ *Върнаго*: 5 ротъ, 4 сотни, дивизионъ конной № 21 батареи, 2 ракетныхъ станка.

Въ укрѣпленіи *Илійскомъ* — одна рота.

На пути изъ *Върнаго* въ *Копаль*: 2 роты, сотня, прислуга и лошади батареиннаго взвода.

Всего: 9 ротъ, 6 сотенъ, 4 запряженныхъ орудія и 2 ракетныхъ станка, готовыхъ къ дѣйствию въ полѣ.

За неимѣніемъ въ подлинныхъ дѣлахъ строевыхъ рапортовъ, трудно опредѣлить совершенно точно численность этихъ войскъ; но, полагая роту по спискамъ въ 200 человекъ, наличную сотню въ 100 человекъ (*), взводъ артилеріи въ 40 человекъ, получимъ около 2,440 человекъ, не считая разныхъ мелкихъ штатныхъ и нештатныхъ командъ. Но изъ этого числа надобно вычесть домашній расходъ въ ротахъ вообще, сильно развитый въ нашихъ пограничныхъ линейныхъ баталіонахъ: разныхъ вѣстовыхъ, огородниковъ, остающихся на ротныхъ хуторахъ, больныхъ и п. п., такъ что вѣрнѣе опредѣлить боевую силу роты въ 150 человекъ; слѣдовательно, получимъ всего цифру въ 1,350 штыковъ для пѣхоты, и до 2,000 человекъ для всѣхъ дѣйствующихъ войскъ области. Рота, расположенная въ *Кастекъ*, передовомъ нашемъ пунктѣ, была усилена до полного состава.

Въ первыхъ числахъ октября, послышался говоръ, между сартами укрѣпленія Вѣрнаго и туземнымъ населеніемъ округа, о приближеніи къ рѣкѣ Чу коканскихъ скопищъ. Начальникомъ Алатавскаго округа въ то время былъ подполковникъ Колпаковскій (**). Подполковникъ Колпаковскій, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Херсонской

(*) Баталіоны были 4-ротнаго состава, а сотни въ округѣ никогда не достигали штатнаго числа—133 казаковъ въ сотнѣ.

(**) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, военный губернаторъ Семирѣченской Области.

губерніи, родился въ 1819 году и шестнадцати лѣтъ началъ службу рядовымъ изъ вольноопредѣляющихся въ Люблинскомъ пѣхотномъ полку; черезъ десять мѣсяцевъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, попалъ въ 1840 году съ полкомъ на Кавказъ, участвовалъ въ дѣлахъ на черноморской береговой линіи, и спустя годъ, за отличіе, получилъ офицерскій чинъ. Затѣмъ девять лѣтъ выносилъ онъ на своихъ плечахъ всю тяжесть полковой переписки въ званіяхъ адъютанта, квартирмистра и казначея, попеременно. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ побывалъ, съ 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, вторично на Кавказѣ; ходилъ въ отрядѣ Фрейтага на выручку князя Воронцова, отступавшаго изъ Дарго; участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ Бека въ Трансильваніи и находился въ неудачномъ дѣлѣ генерала Гасфорта подъ Германштадтомъ, и получилъ за свою боевую службу ордена св. Анны 4-й степени и св. Владиміра той же степени съ бантомъ. Въ 1852 году, въ чинѣ штабсъ-капитана, Колпаковскій былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру отдѣльнаго Сибирскаго корпуса Гасфорту. Затѣмъ онъ служилъ въ корпусномъ штабѣ, былъ окружнымъ начальникомъ въ историческомъ городѣ Березовѣ, награжденъ за службу въ этомъ суровомъ углу Сибири маюрскимъ чиномъ и орденомъ св. Анны 2-й степени, и въ 1858 году переведенъ во вновь образованный Алатавскій округъ окружнымъ начальникомъ. Изъ обзора службы Колпаковскаго видно, что это былъ человекъ бывалый и исполнительный офицеръ. Онъ обладалъ огромнымъ здравымъ смысломъ, обширною памятью, привычкою къ труду, и, что очень важно, желѣзнымъ здоровьемъ: цѣлые дни могъ не сходить съ лошади или не отрываться отъ письменнаго стола.

Колпаковскій, несмотря на привычку азіатцевъ преувеличивать и сочинять, понималъ однако, что слухи, получаемые со всѣхъ сторонъ, должны имѣть основаніе. Зная хорошо воспримчивость азіатской натуры и стараясь, на всякій случай, не упустить необходимыхъ мѣръ, 6-го октября онъ сдѣлалъ выговоръ кастекскому воинскому начальнику за то, что тотъ не донесъ ему объ извѣстіяхъ, сообщенныхъ однимъ киргизомъ, убѣжавшимъ изъ коканскаго плѣна. Пять киргизовъ-лазутчиковъ были отправлены для развѣдыванія. Киргизы эти, впрочемъ, сидѣли на плохихъ клячонкахъ, такъ что ихъ приказано употреблять съ большою осторожностью, чтобы они не были захвачены въ плѣнъ. Кастекъ, передовое наше укрѣпленіе, лежитъ въ 80 верстахъ впереди укрѣпленія Вѣрнаго и легко могъ подвергнуться первому нападенію. Вокругъ укрѣпленія приказано выставлять днемъ пикеты, а ночью добавлять къ нимъ и секреты; верки же привести

въ оборонительное положеніе. Сознавая недостаточность собственныхъ силъ, Колпаковский приказалъ вернуться частямъ войскъ, возвращавшимся въ Копаль; лошадей батареиннаго взвода также воротили съ дороги. Чапраштинскому киргизу Суранчи (*), прапорщику нашей службы, поручено провѣрить слухъ, дѣйствительно-ли на рѣку Чу собираются сарты съ цѣлью наказать киргизовъ, принимавшихъ участіе въ покореніи нами крѣпостей Токмака и Пишпека. Въ то же время, 8-го октября, донесено командиру отдѣльнаго Сибирскаго корпуса о происходящемъ. Пѣнные токмакскіе сарты передавали за вѣрное, что въ городъ Ауліэта прибылъ главнокомандующій дѣйствующихъ коканскихъ войскъ (перванези) Капаатъ-Ша, съ десятью или пятнадцатью тысячами человекъ. При войскахъ были сарбазы (регулярная пѣхота изъ пѣнныхъ) и артилерія. Цѣль наступленія этихъ войскъ заключалась въ томъ, чтобы возобновить, недавно разоренный нами, Пишпекъ и потребовать отъ насъ выдачи пѣнныхъ гарнизоновъ и захваченнаго въ крѣпостяхъ оружія. Говорили, что во все роды Большой Орды разосланы воззванія — идти на пѣвныхъ, а бии каракиргизскіе, Джантай (недавно умеръ) и Джангарачъ, готовы уже къ отъѣзду въ коканскій лагерь. Самъ начальникъ округа, въ донесеніи корпусному командиру, такимъ образомъ, выражалъ свое мнѣніе о распространившихся слухахъ. «Хотя, какъ я выше имѣлъ честь упомянуть, эти извѣстія и выдаются за достовѣрныя, но тѣмъ не менѣе, по моему соображенію, я не допускаю возможности, чтобы коканцы приступили, въ теперешнее время года, къ постройкѣ новаго Пишпека, къ чему наступающіе холода будутъ большой преградой при кладкѣ стѣнъ. Всего вѣроятнѣе, что ханъ, въ полномъ озлобленіи, приказалъ идти войскамъ снова на Кастекъ и хотъ сколько-нибудь отмстить намъ за успѣхъ, и я полагаю, что движеніе ихъ на Кастекъ можетъ состояться только въ такомъ случаѣ, если они убѣдятся въ нерасположеніи къ намъ кочевниковъ Дикокаменной и Большой Орды, на которыхъ, имѣтъ сомнѣнія, теперь построена ихъ увѣренность. Не пренебрегая однако этими извѣстіями, я счелъ лучшимъ, нынѣ же, возвратить въ Вѣрное копальскую сотню сотника Вязигина».

Затѣмъ начальникъ округа перечислялъ сдѣланные имъ распоряженія, о которыхъ было уже говорено. Для усиленія нашихъ средствъ, по направленію къ угрожаемой сторонѣ, въ Кастекъ посланъ взводъ стрѣлковъ и начальство надъ гарнизономъ передано

(*) Убитъ въ 1864 г., подъ Сайрамомъ, близъ Чомкента.

командиру линейнаго № 8 баталіона майору Экебладу (*), бывшему адъютанту генерала Гасфорта, человеку еще очень молодому и не вполне знакомому съ краемъ. Для обезпеченія нашего поселенія на рѣкѣ Кескеленѣ, на случай если коканцы обойдутъ Кастекъ соседнимъ ущельемъ, туда отправленъ есаулъ Бутаковъ съ сотнею казаковъ и съ двумя ракетными станками. Отправка пѣнныхъ комендантовъ взятыхъ коканскихъ крѣпостей, которыхъ генералъ Гасфортъ приказалъ послать въ Семипалатинскъ, была ускорена, потому что присутствіе ихъ въ Вѣрномъ могло имѣть дурное вліяніе на мусульманъ, начинавшихъ глухо волноваться, тѣмъ болѣе, что значительное число пѣнныхъ сартовъ изъ сдавшихся гарнизоновъ Токмака и Пишпека, отпущенныхъ нами, проживало въ укрѣпленіи. Войскамъ, стоявшимъ въ Вѣрномъ, отдано приказаніе быть готовыми къ выступленію. Жителямъ велѣно вооружиться на всякій случай.

Главное сибирское начальство въ Омскѣ не раздѣляло опасеній подполковника Колпаковского; въ двухъ предписаніяхъ, написанныхъ корпуснымъ командиромъ уже послѣ событій составляющихъ предметъ настоящаго очерка, предлагаются разныя мѣры и, между прочимъ, говорится: «Коканцы, дѣйствительно, могутъ сдѣлать движеніе изъ Ауліэта къ верховьямъ рѣки Чу, чтобы поддержать сколько-нибудь вліяніе свое на дикокаменныхъ, сильно поколебавшееся побѣдами нашими и разореніемъ главнаго ихъ гнѣзда Пишпека. Но чтобы они могли, въ нынѣшнемъ году, приступить къ возобновленію укрѣпленія, того, по позднему времени, ожидать нельзя».

«Повторяю, чтобы безъ настоящей надобности не изнурять войска передвиженіями, ибо это, кромѣ утомленія войскъ, поселяетъ еще въ киргизахъ подозрительность, что движенія эти дѣлаются изъ боязни коканскихъ скопищъ. Водворенные казаки алматинскихъ станицъ считаютъ себя мало обезпеченными, потому что, несмотря на неоднократныя мои приказанія, никто не занимался ихъ военнымъ образованіемъ, употребленіемъ оружія и возвышеніемъ въ нихъ воинственнаго духа, а оставили ихъ такими же мужиками и тѣмъ самымъ утвердили въ нихъ мысль, что регулярныя войска обязаны ихъ оберегать. Коканское сборище, по всей вѣроятности, одна только фантазмагорія, и они пришли на р. Чу, вѣроятно, съ намѣреніемъ только показать киргизамъ, что никто не помѣшаетъ имъ это исполнить и, какъ должно полагать, скоро разойдутся. Но если бы и

(*) Нынѣ полковникъ, служить членомъ войскового правленія Забайкальскаго казачьяго Войска.

вдумали пойти на Нижнюю Илю, то въ большихъ силахъ туда не направятся. Со стороны Кескеленскаго ущелья нельзя ожидать: тамъ и лѣтомъ трудно пройти, а теперь, вѣроятно, проходъ заваленъ снѣгомъ. Полагаю, что скопища коканцевъ не рѣшатся вторгнуться въ наши предѣлы»...

Подполковникъ Колпаковский, послѣ извѣстїи о появленїи на рѣку Чу, съ 4-го октября, передовыхъ коканскихъ партїй, въ числѣ полутора тысячъ человекъ, видѣлъ необходимость организовать собственными средствами защиту станицъ Большой Алматинской, Малой Алматинской и поселенїй Кескелена, Софїйскаго, Надеждинскаго и Илійскаго. Валы, находившіеся въ плачевномъ состоянїи, начали исправляться; жителямъ станицъ, у кого не было оружія, приказано его выдать; въ высылки, почти безоружные, отправлены казенныя старыя ружья, изъ которыхъ, впрочемъ, четвертая часть оказалась негодною къ употребленію. Съ 9-го октября начали назначать по сту рабочихъ на работы по укрѣпленію алматинскихъ станицъ. Изъ поселенныхъ казаковъ набрано двѣ сотни для мѣстной службы. При дѣйствующихъ войскахъ было мало артилерїи: изъ складовъ взяли батарейный единорогъ и два легкихъ орудїя. Запасныя и подъемныя лошади батарейнаго взвода и конно-артилерійскаго дивизиона были запряжены подъ нихъ, и къ дѣйствующей артилерїи прибавилось, такимъ образомъ, одно батарейное и два легкихъ пѣшихъ орудїя.

Тревожась за Кастекъ, отстоявшій на 80 верстъ отъ централнаго пункта, укрѣпленїя Вѣрнаго, подполковникъ Колпаковский отправилъ на пикетъ Узунъ-Агачъ казачью сотню есаула Усова, которому приказано поступить въ распоряженіе маіора Экеблада и содержать разъѣзды по кастекской дорогѣ, наблюдая вправо и влѣво отъ дороги боковыя ущелья и возвышенности. Кастекскій гарнизонъ былъ усиленъ еще однимъ стрѣлковымъ взводомъ.

«Я получилъ извѣстїе», писалъ начальникъ округа, 9-го октября, маіору Экебладу, «что коканцы дѣйствительно, назадъ тому семь дней (*), прибыли въ числѣ полутора тысячъ на развалины Пишпека, и, говорятъ, для возобновленїя его. Гдѣ то сзади, говорятъ, идетъ еще нѣсколько тысячъ. Прошу, по возможности, провѣрить эти извѣстїя. Изъ тѣхъ же источниковъ мнѣ извѣстно, что коканцы намѣрены прислать къ намъ своихъ посланцевъ для переговоровъ, а потому, не желая допускать ихъ до Вѣрнаго, я покорнѣе прошу

(*) Въ дѣйствительности передовой коканскій эшелонъ прибылъ на развалины Пишпека 4-го октября.

васъ, въ случаѣ прибытія ихъ на Кастекъ, задержать тамъ, не пропуская, впрочемъ, въ крѣпость. Если они будутъ имѣть письма отъ своего правительства, то представьте ихъ ко мнѣ».

10-го октября, войска были расположены въ слѣдующихъ пунктахъ:

Въ *Кастекъ*—2 роты, 1 сотня.

На *Узунъ-Агачъ*—1 сотня.

На *Кескелентъ*—1 сотня и 2 ракетныхъ станка.

Въ *Илійскомъ* укрѣпленїи—взводъ пѣхоты.

Въ *Вѣрномъ*—6¹/₂ ротъ пѣхоты, 3 сотни, 3 батарейныхъ, 2 легкихъ пѣшихъ орудїя, 4 конно-легкихъ орудїя.

Для мѣстной обороны станицъ—вооруженные казаки.

Пѣхота наша была вообще надежна; кавалерїя же изъ сибирскихъ казаковъ, не сохранившихъ даже и въ преданїи лихости своихъ предковъ, представляла менѣе боевыхъ качествъ, и только сотня есаула Бутакова, стоявшая на Кескелентѣ, была доведена своимъ сотеннымъ командиромъ до замѣчательной степени боевыхъ качествъ. Самъ Бутаковъ представлялъ образцовый типъ закаленнаго и лихаго кавалериста. Артилерїя была хороша, какъ и вездѣ у насъ. Завѣдывалъ ею штабъ-капитанъ Обухъ (*), давно уже служившій въ Вѣрномъ, блондинъ лѣтъ тридцати, небольшого роста, сангвиникъ, любитель дѣла, не врагъ и веселью въ часы досуга—типъ совершенно сжившійся со степью. Ракетные станки были поручены поручику Вроченскому (**), молодому артилерійскому офицеру, заслужившему подъ Севастополемъ орденъ св. Георгїя 4-й степени. О вѣрненскомъ ополченїи, созданномъ, на всякій случай, изъ водворенныхъ казаковъ, говорить нечего: довольно сослаться на подлинныя слова корпуснаго командира, приведенныя выше.

Маіоръ Экебладъ, начальствовавшій передовымъ нашимъ отрядомъ въ Кастекъ, долженъ былъ наблюдать за движенїями коканцевъ и сообщать о нихъ. Собираніе свѣдѣній нѣсколько затрудняло его; присланные киргизы далеко не ѣздили, а одной сотни, состоявшей всего изъ 83 человекъ, оказывалось недостаточнымъ для исправнаго содержанїя разъѣздовъ. Пѣхота работала надъ усиленїемъ кастекскихъ верковъ. Ни одинъ сартъ или враждебный киргизъ не показывался еще передъ укрѣпленїемъ, но слухъ о близости непрїятеля пастойчиво повторялся. Колпаковский, 13-го октября, приказалъ сотнѣ

(*) Смертельно раненъ на отбитомъ штурмѣ Ташкента 1864 г., въ чинѣ подполковника.

(**) Теперь артилерїи полковникъ, командуетъ парковою бригадою.

есаула Усова изъ Узунъ-Агача перейти въ Кастекъ для исполненія аванпостной и разъѣздной службы; отряду Бутакова велѣно изъ Кескелена передвинуться въ Узунъ-Агачъ, куда въ тотъ же день выступили изъ Вѣрнаго вторая рота линейнаго № 8 баталіона, сотня казаковъ и конно-артилерійскій дивизіонъ, подъ общимъ начальствомъ подполковника Шайтанова (*). На Кескеленскій выселокъ послано 50 казаковъ изъ водворенныхъ.

Всѣ чапаштинскія волости рода дулатовцевъ, кочующія западнѣе Вѣрнаго, отложились и пристали къ наступавшему коканскому войску. Первыми передались бѣги: прапорщикъ Суранчи, которому нѣсколько дней назадъ поручено было развѣдать о коканцахъ; Андасъ (**); съ будбаевскою волостью, Дикамбай, имѣвшій особенное вліяніе на умы кочевниковъ, и богатый донанысовскій киргизъ Альдекенъ съ волостью своею, вооруживъ, при этомъ случаѣ, и снарядивъ, на собственный счетъ, разныхъ бѣдняковъ. Всего измѣнило намъ изъ дулатовскаго рода болѣе половины, именно 5,000 юртъ, на первое время приславшихъ коканцамъ, на подмогу, болѣе 1,000 всадниковъ. Затѣмъ прибыли, на дѣлѣ сочувствуя возванію, разные каракиргизскіе роды: сарыбагиши съ манопомъ Умбетъ-али; султы съ Байсеидомъ, сыномъ давнишняго нашего врага Тоучабека, прогнаннаго съ рѣки Или еще до заложенія нами укрѣпленія Вѣрнаго (самъ Байсеидъ, въ 1854 году, дрался противъ насъ и былъ похороненъ въ дѣлѣ) и булекпаевцы съ Корчи. Всѣхъ конныхъ кара-киргизовъ, явившихся изъ волостей, было до 3,000 человекъ.

Затруднительно въ точности опредѣлить силы нашихъ непріятелей, да вѣроятно и самъ непріятель не зналъ ихъ положительно, потому что сарты шли по приказанію, шли по охотѣ, а кто шелъ и самъ по себѣ, никому не подчиняясь, въ надеждѣ на поживу, тащась за войскомъ. При полномъ отсутствіи всякой военно-административной системы въ управленіи азіатскимъ ополченіемъ, остается только полагаться на слова сартовъ и киргизовъ о количествѣ ихъ войскъ; но данныя эти весьма сбивчивы. По свидѣтельству нѣкоторыхъ очевидцевъ, сартовъ было 30,000, киргизовъ 12,000; по показанію же киргиза Тюлебаева послѣднихъ было всего 4,000. По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя приходили съ разныхъ сторонъ, силы сартовъ показываются въ 10,000, въ 11,500 и до 16,000. Послѣднія показанія прибавляли, что ждутъ еще изъ Кокана 20,000 человекъ. Взвѣсивая всѣ эти свидѣтельства и прини-

(*) Полковникъ Сибирскаго казачьяго Войска; служить до сихъ поръ.

(**) Нынѣ волостной старшина Кастекской волости, Вѣрненскаго уѣзда.

мая во вниманіе, что сарты, имѣя въ дѣйствительности огромныя силы, раструбили бы о нихъ по краю заранѣе, чтобы ускорить возстаніе, можно опредѣлить силы коканцевъ въ 12,000, измѣнившихъ киргизовъ въ первое время 4,000 (впослѣдствіи число это значительно возрасло), да прибавить еще нѣсколько тысячъ бродягъ, тащившихся сами по себѣ за арміею, и бродячія мелкія киргизскія шайки, вездѣ появившіяся въ окрестностяхъ; такъ что число всѣхъ враговъ нашихъ, открыто сражавшихся противъ насъ, простиралось до 22,000 человекъ. Изъ нихъ двадцать тысячъ подчинялись непосредственно коканскому главнокомандующему, а двѣ тысячи дѣйствовали самостоятельно и отдѣльно.

Войсками командовалъ *Канаадъ-Ша*, человекъ уже пожилой, плотно сложенный, средняго роста, съ сѣдою бородою, не выдавшій еще русскихъ, но скорѣе расположенный къ осторожнымъ дѣйствіямъ изъ боязни помрачить репутацію, приобретенную имъ въ войнахъ съ азіатскими народами. При немъ находился предмѣстникъ его Рустемъ-бекъ, командовавшій войсками въ дѣлѣ противъ русскихъ, въ августѣ, на рѣчкѣ Джиринъ-Айгырь, и разбитый тогда Цимерманомъ. За ложное донесеніе хану о разрушеніи имъ Кастека и о пораженіи русскаго отряда онъ былъ лишенъ команды и слѣдовалъ при войскѣ въ родѣ совѣтника, интригуя и подгапываясь подъ новаго главнокомандующаго. Кромѣ того, тутъ были начальникъ ташкентскаго ополченія. Кромѣ того, тутъ были начальники крѣпостей: Ауліята — Мирза-Даулетъ; Шааманъ-ходжа; коменданты крѣпостей: Ауліята — Мирза-Даулетъ; Мерке-Удачи и Пишпека — Рахметкулла, и датха (званіе, соотвѣтствующее нашему чину полковника) изъ коканскаго города Андыджа Алимбекъ. Между военачальниками не было особеннаго согласія: кромѣ Рустемъ-бека, Шааманъ-ходжи также интриговалъ противъ Канаадъ-Ша. Эти несогласія отразились потомъ очень невыгодно на предпріятіяхъ коканцевъ.

Войска состояли почти исключительно изъ конницы, спѣшивавшейся во время битвы; собственно пѣхоты, т. е. обученныхъ съ грѣхомъ пополамъ сарбазовъ, считалось около 1,000 человекъ. Орудія были мѣдныя 5-ти-фунтоваго калибра, и возились каждое двумя лошадьми. Коканцы отъ Пишпека прошли на Курдай, гдѣ присоединились къ нимъ киргизскіе бѣги, и оттуда на рѣчку Джиринъ-Айгырь, остановясь тамъ лагеремъ. Канаадъ-Ша принялъ хорошій планъ, но исполненіе вышло крайне слабо, разумѣется вслѣдствіе того, что въ его распоряженіи было простое ополченіе. Планъ этотъ согласовался и съ осторожностью коканца. Не желая рисковать открытымъ нападеніемъ на Кастекъ, угрожая этому пункту, онъ ду-

малъ притянуть сюда всѣ свободныя наши силы; распустивъ же въ то же время слухи о движеніи части своихъ силъ на рѣку Или, надѣялся тѣмъ заставить насъ разбросать и остальные войска. Отвлекая вниманіе наше къ Кастеку и на рѣку Или, онъ рассчитывалъ, обойдя укрѣпленіе Кастекъ по ущелью, обрушиться съ главными силами на центръ поселеній нашихъ—укрѣпленіе Вѣрное съ Алматинскими станицами, гдѣ находились склады, магазины, запасы всякаго рода. Взятіемъ станицъ наносился почти смертельный ударъ развитію края, его колонизаціи, а, главное, подобная блестящая удача влекла за собою неминуемое возстаніе всей Большой Орды отъ Вѣрнаго до рѣки Каратола, а за возстаніемъ этой орды подымалась вся степь до самаго Семипалатинска.

Мы имѣли дѣйствующихъ войскъ до 2,009 человекъ; по силы эти были разбросаны: на Кастекъ должно было собраться 600 человекъ; на Узунъ-Агачъ, съ приходомъ Шайтанова, набралось бы 450 человекъ; въ Илійскомъ укрѣпленіи 100 человекъ. Остальные силы, всего 850 человекъ, составляли главный боевой резервъ и стояли въ Вѣрномъ; но движеніе ихъ къ Кастеку было уже рѣшено.

Подполковникъ Колпаковский, для охраненія сообщеній съ Россією, рѣшился усилить гарнизонъ укрѣпленія Илійскаго и пикетъ Заимійскій взводомъ пѣхоты, сотнею казаковъ и взводомъ горныхъ орудій, взятыхъ изъ склада. Оставивъ въ Вѣрномъ двѣ роты слабаго состава, остальные войска, начиная съ 14-го октября, онъ началъ направлять эшелонами на Кастекъ, выводя людей до разсвѣта, втихомолку, чтобы не тревожить населенія. На всякій случай, для ускоренія движенія войскъ, было приказано собрать подводы отъ жителей обѣихъ станицъ. Командиръ 10-го казачьяго полка, подполковникъ Абакумовъ, пріѣхавшій для осмотра полка, собралъ, по предложенію начальника округа, 223 однокопныя подводы и предложилъ свои услуги «въ общемъ дѣлѣ защиты станицъ».

Въ алматинскихъ станицахъ ополчилось для обороны 246 водворенныхъ казаковъ, въ выселкѣ кескеленскомъ 140 человекъ, да 50 казаковъ изъ вѣренскаго ополченія; въ софійскомъ выселкѣ и на дединскомъ число вооруженныхъ жителей было ничтожно.

Изъ Кастека ждали важныхъ извѣстій, но они не приходили. 12-го октября майоръ Экебладъ спрашиваетъ: если пріѣдутъ коканскіе посланцы, «кормить ли ихъ и чѣмъ?» (*); 14-го доноситъ, что

(*) Подлинное письмо начинается такимъ образомъ: „Такъ какъ вы изволили упоминать о послѣхъ ташкентскихъ, то будьте такъ добры, не оставьте меня увѣдомленіемъ: кормить ли ихъ и чѣмъ“. Вообще, надо сказать, что въ подлин-

все благополучно: «лошаденки у нашихъ киргизовъ плоховаты, потому, можетъ быть, они и не рѣшаются пробраться далеко». Киргизскіе разъѣзчики, впрочемъ, видѣли большую партію, гнавшую лошадей къ сторонѣ р. Чу. Въѣстѣ съ тѣмъ на сообщеніяхъ Экеблада съ Вѣрнымъ вдругъ появилась шайка отложившихся киргизовъ, захватившихъ казачій разъѣздъ изъ четырехъ человекъ, на дорогѣ между Кастекомъ и Узунъ-Агачемъ. 15-го, майоръ Экебладъ пишетъ: «Киргизы никакихъ новыхъ свѣдѣній не доставили. Начатыя мною работы кончены. Лучше вашихъ распоряженій нельзя ничего придумать, какъ развѣ еще попросить васъ предписать Шайтанову, чтобы онъ, кромѣ наблюденія за Кара-кастекскимъ ущельемъ, посылалъ бы разъѣзды вправо и влѣво отъ дороги, по всему району отъ Узунъ-Агача до Кастека; можетъ такимъ образомъ и попадется намъ какой-нибудь любопытный сартъ или дикокаменный. Я же, съ своей стороны, буду посылать казачьи разъѣзды какъ можно далѣе, съ тою же цѣлью. Если не попадется казакамъ, такъ развѣ случай поможетъ, а то киргизышки куда не бойки».

Измѣна нѣкоторыхъ киргизскихъ волостей, сомнительное расположеніе другихъ заставили начальника округа, 15-го октября, обратиться съ письмами къ вліятельнымъ адбановскимъ киргизамъ: султану Тезеку Нураліеву Аблейханову, капитану русской службы; подпоручику Джапгазы Сюкову (нынѣ умершій), а посредствомъ роднаго брата Тезека, капитана Аблеса Абліева Аблейханова, вызвать въ Вѣрное сомнительныхъ дулатовскихъ и чапраштинскихъ бѣевъ, чтобы имѣть въ нихъ заложниковъ.

Письма были одного содержанія.

«Такъ какъ ваши адбаны всегда отличались преданностью и усердіемъ предъ другими родами, то я прошу васъ, почтенный султанъ, по полученіи этого письма, назначить какъ можно болѣе киргизовъ на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, имѣя въ запасѣ и заводныхъ, и отправить ихъ сюда въ Алматы какъ можно скорѣе и поспѣшнѣе съ бѣями, кто пожелаетъ и съ батырями. Цѣль вызова киргизовъ заключается въ томъ, чтобы киргизы побили окончательно сартовъ, которые хотятъ опять придти къ Кастеку, а на этотъ разъ намъ хочется, чтобы изъ нихъ никто не вернулся за Чу, положивъ здѣсь свои кости. Но добыча отъ сартовъ достанется киргизамъ. Послѣ-

ныхъ актовъ, по всякому рапорту майора Экеблада, обыкновенно довольно безсодержательно, приложены одно, а иногда и два письма, гдѣ онъ высказывается откровеннѣе. Она, главнымъ образомъ, и послушала къ моимъ вышѣткамъ объ его донесеніяхъ.

шите, султанъ, исполнить это какъ можно скорѣе и посылайте желающихъ побить сартовъ. Будьте здоровы».

Такимъ образомъ, затрогивая алчность киргизовъ, мѣстная власть думала привлечь сомнительныхъ друзей; но киргизы осторожно отозвались на это посланіе, и оказали пародію на помощь въ критическую для насъ минуту.

Для поддержанія связи между Узунъ-Агачемъ и Кастекомъ, остающимися другъ отъ друга въ 27 верстахъ, 16-го числа было послано приказаніе 2-й ротѣ линейнаго № 8-го баталіона перейти къ кургану *Саурука*, возвышающемуся на половинѣ дороги. Курганами вообще зовутся крѣпости и окопы въ киргизской степи; сказанный курганъ представлялъ развалины сырцоваго четырехугольнаго редута, сложенного киргизомъ Саурукомъ. Въ тотъ же день выступилъ изъ Вѣрнаго послѣдній дѣйствующій эшелонъ—3-я рота линейнаго № 9 баталіона, 3 батарейныхъ и 2 легкихъ орудія. Укрѣпленіе и обѣ алматинскія станицы были предоставлены почти собственнымъ средствамъ.

Станицы лежатъ въ полутора верстѣ одна отъ другой; ближе къ Больше-Алматинской станицѣ расположено укрѣпленіе обыкновенной полевой профили. Въ станицахъ жило 3500 душъ обою пола водворенныхъ казаковъ, нѣсколько сотъ сартовъ, нѣсколько мѣщанъ торговцевъ, офицерскія и чиновничьи семейства. На валахъ стояли: въ большой станицѣ 7 орудій, въ малой 2, въ укрѣпленіи 3 орудія. Окружность ограды каждой станицы была не менѣе двухъ верстѣ. Для защиты этой безконечной ограды оставались двѣ роты слабаго состава, не превышавшія 200 человекъ; 246 человекъ водворенныхъ казаковъ, отличавшихся, можетъ быть, патріотизмомъ, но оправдывавшихъ пословицу «охота смертная, да участь горькая», и 300 человекъ, набранныхъ изъ отставныхъ солдатъ, мѣщанъ, торговцевъ и разныхъ охочихъ людей. Между сартами, смиренными по наружности, тлѣлъ заговоръ. На ночь къ нимъ приставляли караулы; разъѣзды наши объѣзжали вокругъ станицъ. Отдѣльные мелкія бродячія шайки киргизовъ показались на всѣхъ дорогахъ. На покойѣ были схвачены два казака, мальчикъ и семнадцатилѣтняя красивая казачка Черепанова, служившая по разнымъ домамъ горничною. Смѣтливая дѣвушка назвалась сестрою окружнаго начальника, была отправлена, въ видѣ дорогаго подарка, въ гаремъ коканскаго хана, перешла отъ него къ какому-то вліятельному сарту; сартъ этотъ перевезъ ее въ Кашгаръ, гдѣ она находится и теперь. Нѣсколько казаковъ погибли по-одиночкѣ, на своихъ поляхъ, возлѣ алматинскихъ

станицъ, Кескелена, Софійской, Надеждинской. Какой-то, захваченный нами киргизъ убѣждалъ, что отложившійся бій, прапорщикъ Суранчи, приближается къ Вѣрному съ партіею въ 1,000 человекъ.

Между жителями носился слухъ, впоследствии оказавшійся справедливымъ, что жены офицеровъ и чиновниковъ уже заранѣе разобраны сартскими начальниками. Изъ отряда вѣстей не приходило.

Начальникъ округа былъ отчасти вовлеченъ въ заблужденіе слухами, распушенными коканцами о движеніи на рѣку Или. Въ письмѣ своемъ, изъ Вѣрнаго, майору Экебладу, отъ 15-го октября, онъ говоритъ:—«Какъ бы эти извѣстія ни были неправдоподобны, но я имъ, соображаясь съ предыдущими извѣстіями, отчасти даю вѣру и, съ своей стороны, полагаю, что коканцы, отправляя часть своихъ безтолковыхъ силъ, хотятъ, можетъ быть, открыть нападеніе и на нашъ Кастекъ, чтобы отвлечь наши силы на разныхъ пунктахъ». 16-го дорога изъ Кастека на Узунъ-Агачъ была отрѣзана шайкою киргизовъ изъ 100 человекъ; донесеніе майора Экеблада, что новаго ничего нѣтъ, должно было возвратиться къ нему, причемъ одинъ конвойный казакъ былъ захваченъ въ плѣнъ.

16-го октября, вечеромъ, 2-я рота линейнаго № 8-го баталіона, подъ начальствомъ подпоручика Сырковского, исполняя приказаніе, выступила къ кургану Саурука съ однимъ ракетнымъ стаканомъ и нѣсколькими казаками, и, приближаясь къ нему, была охвачена партіею киргизовъ. Ночное нападеніе было скоро отбито безъ всякой потери. Въ то же время, киргизскій разъѣздъ, посланный изъ Кастека, наткнулся на непріятельскій. 17-го утромъ Экебладъ, по этому поводу, доносилъ:—«Не знаю могу ли навѣрное сказать, что непріятель тутъ; но всѣ признаки даютъ право думать это. Мое убѣжденіе, что слухи о томъ, что они идутъ на Илійское укрѣпленіе, не болѣе какъ диверсія. Серіозной рекогносцировки я не дѣлаю одними киргизами, потому что, какъ я лично убѣдился, они дальше пяти верстѣ не идутъ». 18-го послано донесеніе Колпаковскому изъ Кастека, что новаго ничего передъ укрѣпленіемъ не происходитъ; оно было послѣднее, потому что начальникъ округа самъ пріѣхалъ къ вечеру въ Кастекъ, едва не попавшись въ плѣнъ на пути. При немъ находился небольшой конвой и ѣхала повозка съ боевыми ракетами. Верстахъ въ десяти за Кескеленомъ киргизы, сдѣлавшіе засаду въ лощинѣ, бросились на казаковъ; но въ сумеркахъ не разобрали, много-ли, мало-ли ѣдетъ нашихъ и, покруживъ немного, исчезли.

Къ вечеру, 18 октября, расположеніе войскъ было слѣдующее:

Въ Кастекъ: 4 роты, 4 сотни, 3 батареинныхъ, 4 конныхъ орудій,

У Саурукова кургана—рота съ ракетнымъ стаканомъ.

На Узунъ-Агачъ—рота, сотня и 2 легкихъ орудій.

Въ Кескелентъ— $1\frac{1}{2}$ сотни водворенныхъ казаковъ.

Въ Вѣрномъ—2 роты и $1\frac{1}{2}$ сотни водворенныхъ казаковъ.

Въ Илійскомъ укрѣпленіи и на Заилійскомъ пикетѣ—рота, сотня и 2 горныхъ орудій.

Непріятель, расположенный противъ Кастека, въ лагерѣ на рѣчкѣ Джиринъ-Айгыръ, перешелъ съ этого пункта на урочище, верстахъ въ двадцати на западъ отъ Кастека, занявъ такимъ образомъ фланговую позицію относительно нашего операціоннаго пути изъ Вѣрнаго въ Кастекъ, и начавъ горами обходное движеніе къ пикету Узунъ-Агачъ, куда былъ посланъ авангардъ изъ шести тысячъ сартовъ и четырехъ тысячъ киргизовъ, подъ начальствомъ датхи Алимбека.

Два нашихъ разъѣзда, отправленные, въ ночь на 19-е, изъ Кастека начальникомъ отряда, сообщили, что непріятеля вблизи не открыто; но 19-го октябри, утромъ, передъ отряднымъ лагеремъ показалась внезапно конная толпа изъ 200 киргизовъ. Съ гикомъ поспѣли они вокругъ. Есаулъ Бутаковъ ударилъ на нихъ съ сотнею, разогналъ и захватилъ трехъ плѣнныхъ. Нѣсколько человѣкъ были убиты преслѣдовавшими казаками; у насъ потери не было. Плѣнные согласно показали, что 16-тысячное коканское скопище идетъ на Кастекъ штурмовать его, а на наши сообщенія съ Вѣрнымъ послано до 2000 киргизовъ. Для сосредоточенія всѣхъ свободныхъ наличныхъ силъ, подполковникъ Колпаковский приказалъ ротамъ съ Саурукова кургана (13 верстъ) и съ Узунъ-Агача (27 верстъ) идти къ Кастеку, а сотни сотника Жеребятъева оставаться на Узунъ-Агачъ, для прикрытія дороги на Вѣрный.

Донося о сдѣланныхъ распоряженіяхъ корпусному командиру, начальникъ округа добавлялъ:

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ я долженъ доложить вашему высокопревосходительству, что дулатовскіе киргизы ведутъ себя болѣе чѣмъ двусмысленно, а часть чапраштинцевъ, съ бѣгомъ Суранчи, открыто передалась на сторону непріятеля. Бѣи, которыхъ я вызывалъ, не пріѣхали подъ предлогомъ, что они опасаются въ настоящее тревожное время оставить свои аулы. Только султанъ Аблесъ Абміевъ, прапорщикъ Коджегулъ Байсеркинъ, Куатъ (*) и съ десятокъ простыхъ киргизовъ находятся при мнѣ».

(*) Всѣ трое недавно умерли, сохраняя постоянную вѣрность Россіи. Между

На Узунъ-Агачскомъ пикетѣ отрядомъ командовалъ Сибирскаго линейнаго № 9 баталіона поручикъ Соболевъ.

Въ отрядѣ были рота пѣхоты, сотня казаковъ и два легкихъ орудій, всего около 350 человѣкъ. Станціонный пикетъ, небольшой редутъ съ неравной длины фасама (15 и 10 сажень), лежитъ въ долині подъ самою крутизною А, откуда обнаруживается вся внутренность строенія (*). Съ сѣверо-восточной, юго-восточной и западной сторонъ на дальній пушечный выстрѣлъ тянутся гряды возвышенностей, полого загибающіяся по теченію горнаго ручья Узунъ-Агачъ, впадающаго въ рѣчку Кара-Кастекъ.

Въ ночь на 19-е октября, почта, слѣдовавшая изъ Вѣрнаго въ Кастекъ, поспѣшно вернулась на станціонный пикетъ съ извѣстіемъ, что дорога занята непріятелемъ. Утромъ нашъ отрядъ увидалъ, что высоты кругомъ чернѣютъ киргизскою и сартскою конницею; въ толпахъ послѣдней мелькали бѣлыя и красныя знамена. Высота А, господствующая надъ пикетомъ, была также занята толпою человѣкъ во сто. Съ занятіемъ горы сартами, защита пикета дѣлалась невозможною: насъ могли бить оттуда на выборъ. Фельдфебель Штиневъ, съ 54-мя солдатами и 4 казаками, бросился на гору; солдаты спотыкались, взбираясь по крутому подъему.

Коканцы, замѣтивъ съ ближайшихъ высотъ атаку, начали спускаться бѣгомъ, чтобы подать помощь; но фейерверкеръ Дудинскій, быстро выкативъ на дорогу орудія, началъ обстрѣливать подступы къ горѣ, изолировавъ ее такимъ образомъ. Наши охотники, послѣ короткой рукопашной схватки, сбросили толпу коканцевъ внизъ и утвердились на отнятой возвышенности, потерявъ ранеными трехъ солдатъ и одного казака. Солдаты были ранены пиками. Непріятель, спустившись съ высотъ, лежащихъ по направленію къ Кастеку, бросился на пикетъ; впереди гарцовали разсыпанныя толпы наѣздниковъ, безъ толку поддерживавшія перестрѣлку. Пушечные выстрѣлы отогнали ихъ отъ пикета. Въ два часа по-полудни дѣло затихло.

Въ пять часовъ, было замѣчено сильное движеніе на кастекской дорогѣ: толпы непріятельской кавалеріи поспѣшно отходили отъ пикета.

Казачья сотня сотника Жеребятъева, съ однимъ орудіемъ, бросилась туда же и расчистила дорогу, выручивъ такимъ образомъ команду изъ 60 казаковъ, которая везла къ Соболеву приказаніе начальника округа идти съ ротою въ Кастекъ. Команда была окружена толпами непріятеля, не доходя пяти верстъ до пикета.

простыми киргизами назову еще до сихъ поръ вѣрно служащаго правительству Иссу.

(*) См. планъ дѣйствій между Кастекомъ и Узунъ-Агачемъ.

Киргизы то кружились, то наѣдали на казаковъ, поддерживая неумолкаемую перестрѣлку. Команда потеряла трехъ человекъ ранеными. Рассказываютъ, что начальникъ ея, хорунжій Ростовцевъ, нѣсколько разъ употреблялъ хитрость. Съ нимъ ѣхала двухколесная таратайка, но въ пыли и изъ за-казановъ киргизы не могли разглядѣть, что это простая повозка. Когда киргизы слишкомъ наѣдали, то Ростовцевъ, богатырскимъ голосомъ, кричалъ по киргизски: «орудіе-пли!» и киргизы отхлынивали, опасаясь картечи.

На разсвѣтъ 20-го октября, толпы, покрывавшія высоты вокругъ пикета, увеличивались. Часть конницы спустилась и въ конномъ строю бросилась на пикетъ; ее отразили картечью. Гору А непріятель оставилъ въ покоѣ, но юлилъ и кружился передъ пикетнымъ редутомъ почти до вечера. Въ четыре часа по-полудни, по кастекской дорогѣ затрещала перестрѣлка... Казаки съ орудіемъ опять поскакали на выстрѣлы, и киргизы, разступившись, дали дорогу сотнѣ есаула Усова, прибывшей изъ Кастека съ порученіемъ узнать—почему не приходитъ рота. Почти отъ самаго кургана Саурука, сотня, съ находившимся при ней ракетнымъ станкомъ, вела перестрѣлку съ киргизами, имѣя впрочемъ лишь одного раненаго. Вслѣдъ за прибытіемъ Усова, киргизы и коканцы прекратили нападеніе на узунъ-агачскій пикетъ. Въ два дня 10,000 непріятельской кавалеріи не успѣли овладѣть вѣрненскою дорогою, защищаемою ничтожнымъ отрядомъ поручика Соболева. Общая потеря отряда и присоединившихся къ нему казачьихъ частей заключалась въ девяти раненыхъ. Потери непріятеля, по всей вѣроятности, была также очень незначительна. Такимъ образомъ, хорошій планъ Канаатъ-Ша рушился вслѣдствіе вялаго исполненія; авангардъ его скорѣе шутилъ, чѣмъ дѣйствительно нападалъ.

Получивъ извѣстіе, въ своемъ лагерѣ, о неудачномъ нападеніи Алимбека, утромъ, 20-го октября, Канаатъ-Ша двинулся въ долину рѣки Кара-Кастекъ, оставивъ четыре пушки и ничтожныя силы для охраненія лагеря. Говорятъ, онъ боялся брать съ собою пушки, чтобы не отдать ихъ русскимъ; но вѣришь, что пара заморенныхъ клячь едва волокла каждое изъ его орудій по подобной гористой мѣстности, какою представляется пространство между Кастекомъ и Узунъ-Агачемъ. Въ силу же артилеріи, Канаатъ-Ша, не сражавшійся до сихъ поръ противъ русскихъ, вѣроятно еще не вѣрилъ.

Канаатъ-Ша, несмотря на довольно умно соображенный планъ, не зналъ хорошо распредѣленія русскихъ войскъ. Его увлекало желаніе вызвать на бой наши дѣйствующія войска и однимъ ударомъ по-

кончить съ нами въ открытомъ сраженіи. Вечеромъ, передъ выступленіемъ изъ лагеря, былъ собранъ военный совѣтъ.

— «Выйдутъ ли русскіе противъ насъ?» спросилъ коканскій начальникъ нашего бѣглаго каторжника Евграфа, угодившаго въ рудники изъ казачьей батареи и командовавшаго у него артилерією.

— «Непремѣнно выйдутъ», утвердительно отвѣчалъ каторжникъ. Канаатъ-Ша пожалъ ему за пріятный отвѣтъ руку, подарилъ денегъ и халатъ (*).

Командиръ роты, стоявшій у кургана Саурука, подпоручикъ Сырковскій, получилъ приказаніе, 19-го утромъ, идти въ Кастекъ; но, слыша давно уже пушечную пальбу у Узунъ-Агача, поступилъ какъ поступали во все времена разные командиры, неспособные къ самостоятельности въ подобныхъ случаяхъ: не принявъ немедленнаго рѣшенія, а остановился ожидать новыхъ приказаній. Кругомъ показывались бродячія кучки киргизовъ....

Подполковникъ Колпаковскій, оставаясь при прежнемъ убѣжденіи, что непріятель атакуетъ Кастекъ, недоумѣвалъ, почему роты Сырковского и Соболева не являются. Утромъ, 20-го октября, онъ отправилъ есаула Усова съ сотнею казаковъ и однимъ ракетнымъ станкомъ разузнать причину неприбытія ротъ.

Отдѣльное отправленіе Усова было дѣйствіемъ рискованнымъ и не достигало цѣли. Случается, что наши войска и начальники пріобрѣтаютъ въ Средней Азіи привычку презирать своего противника; но, какъ бы ни былъ ничтоженъ противникъ, подобное пренебреженіе къ завѣщанному военнымъ опытомъ правиламъ осторожности вело часто къ ошибкамъ, прибавлявшимъ только славныя, хотя и бесполезныя страницы въ нашу военную хронику. Довольно указать, напримѣръ, на случаи подъ Иканомъ съ Сѣровымъ, подъ Акъ-Булакомъ съ Мейеромъ, въ Оренбургской степи съ Коржовымъ и у Мангишлака съ графомъ Кутайсовымъ. Впрочемъ, разсматривая дѣйствія наши въ Средней Азіи, непремѣнно нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что часто наши начальники, при движеніяхъ, не имѣютъ никакой возможности имѣть вѣрныя свѣдѣнія о близости и о силахъ непріятеля, и такимъ образомъ невольно вовлекаются въ бой.

Въ двѣнадцатомъ часу утра, въ Кастекъ пришло донесеніе Сырковского и записка, набросанная карандашемъ отъ Усова. Приведу оба документа.

1) *Донесеніе*.—«Со вчерашняго утра, на Узунъ-Агачѣ, продолжается перестрѣлка. Предполагая, что поручикъ Соболевъ съ коман-

(*) См. „Пять недѣль въ Коканѣ“—„Русскій Вѣстникъ“, январь, 1871 года.

дуемою имъ ротою и оставленною съ нимъ артилеріею не выступилъ съ Узунъ-Агача, имѣю честь ожидать распоряженія вашего высокоблагородія: оставаться ли мнѣ на Кара-Кастекъ (*) или слѣдовать куда будетъ приказано?»

2) *Записка.*—«Герасимъ Алексѣевичъ! выйдя съ Кара-Кастека, я замѣтилъ на сопкахъ вокругъ узунъ-агачскаго пикета скопища киргизовъ, и слышна съ вчерашняго утра пушечная пальба, которая и до сихъ поръ продолжается; опредѣлить численность скопищъ по дальности разстоянія я не могу, самъ же я отправился на Узунъ-Агачъ и, прибывъ туда, постараюсь доставить вамъ болѣе подробныя свѣдѣнія».

Подполковникъ Колпаковскій, получивъ оба донесенія, зашелъ въ землянку къ Обуху, гдѣ были майоръ Экебладъ и артилерійскій поручикъ Курковский, командиръ батареинаго взвода. Составилось коротенькое совѣщаніе. Окружной начальникъ рѣшилъ взять часть отряда, подойти съ нею къ Узунъ-Агачу и, выручивъ оттуда роту Соболева, поспѣшно вернуться къ Кастеку, на который все еще ждали нападенія.

— «Съ чѣмъ же я останусь противъ коканцевъ?» возразилъ Экебладъ.

«Довольно съ васъ трехъ ротъ: съ ними можете продержаться два дня. А тамъ вернемся, освободимъ», отвѣчали ему.

На Кастекъ оставленъ былъ майоръ Экебладъ съ тремя ротами, небольшою казачьею сотнею, съ однимъ батареиннымъ и однимъ коннымъ орудіемъ.

Къ выступленію назначены: стрѣлковая рота 8-го батальона, двѣ сотни казаковъ, взводъ батареинныхъ орудій, три конно-легкихъ орудія и два ракетныхъ станка. Колонна тронулась въ два часа пополудни; шли налегкѣ, безъ патронныхъ ящиковъ, съ однимъ комплектомъ зарядовъ. При колонѣ ѣхала только одна артельная телѣга при орудіяхъ Обука; артельные котлы везлись на вьюкахъ; мѣшковъ люди не взяли. Съ кургана Саурука забрали роту подпоручика Сяковского и продолжали путь. Впереди шла кавалерія; арьергардъ и фланги были прикрыты цѣпями.

Спустились сумерки, и холодная, морозная ночь смѣнила довольно теплый день. Есаулъ Бутаковъ съ разѣздомъ, опередивъ отрядъ, взѣхалъ на пригорокъ и далъ знать, что непріятель близко. Начальникъ отряда и штабсъ-капитанъ Обухъ, получивъ извѣстіе, поскакали въ темнотѣ къ авангарду, свернули съ дороги на возвышенность.... и передъ ними заблестали на огромномъ пространствѣ би-

(*) Курганъ Саурука лежитъ на рѣкѣ Кара-Кастекъ.

вучные огни, ярко горѣвшіе въ тихую, безвѣтринную ночь. То былъ станъ Алимбека. Отрядъ ускорилъ движеніе къ пикету. Въ темнотѣ раздались пронзительные крики: киргизы съ горъ встрѣчали проклятіями и гикомъ нашъ отрядъ. Пустили на удачу нѣсколько гранатъ, чтобы уговорить киргизовъ, и достигли цѣли, потому что тѣ начали кричать издали.

На пикетъ отрядъ пришелъ къ девяти часамъ ночи. Колпаковскій, узнавъ подробности двухдневнаго боя, рѣшилъ атаковать на другой день непріятеля, находившагося вблизи пикета, будучи вполне убѣжденъ, что передъ нимъ стоитъ половина арміи Канаатъ-Ша, тогда какъ другая остается предъ Кастекомъ.—«Зная, что въ войнѣ съ азіятцами не столько необходима численность войскъ, сколько смѣлость и неожиданность атакванія ихъ, я, оставивъ для охраненія пикета 75 человекъ пѣхоты, 25 казаковъ и одно легкое орудіе, рѣшилъ до разсвѣта выступить къ ночлегу коканцевъ съ слѣдующимъ числомъ войскъ: 3 роты пѣхоты, 4 сотни казаковъ, 2 батареинныхъ пѣшихъ, 4 конно-легкихъ орудія (*) и 2 ракетныхъ станка, всего 799 человекъ»—доносилъ онъ корпусному командиру.

Еще не разсвѣтало, какъ начали кое-гдѣ варить кашу на бивуакѣ. Полусонные люди почти не принимались за нее и готовились къ движенію.

Мѣстность, по которой приходилось предпринять движеніе, представляла рядъ почти параллельныхъ высотъ, направленіе которыхъ обозначалось теченіемъ извилистаго горнаго ручья Узунъ-Агача, болотистаго ручья Кара-су и горной рѣчки Кара-Кастекъ. Ручей Узунъ-Агачъ, съ притокомъ, беретъ начало изъ предгорій Алатау и течетъ въ широкой и глубокой ложбинѣ, съ крутыми берегами; ручей Кара-су начинается на плоскости, протекаетъ по тонкому и широкому оврагу, который, впрочемъ, для перехода войскъ и тяжестей затрудненій не представляетъ. Оба ручья, нѣсколько ниже, впадаютъ въ рѣчку Кара-Кастекъ, вытекающую также изъ горъ и пересекающую большую дорогу у кургана Саурука. Кара-Кастекъ имѣетъ ширины не болѣе сажени или двухъ, а глубины около полуаршина, но протекаетъ въ рывинѣ среди довольно глубокой ложбины. Берега его, за исключеніемъ рѣдкихъ мѣстъ, болѣею частью неудобны для перевоза орудій, обрываясь отвѣсно, такъ что вышина отвѣсной стѣнки достигаетъ иногда цѣлой сажени. Теченіе рѣчки извилисто до крайности; она течетъ то однимъ русломъ, то двумя, образуя миниатюрныя островки. Ложе ея вообще каменисто и вода довольно свѣтлая.

(*) Четвертое взято отъ взвода фейерверкера Дудинскаго.

Долина рѣчки сперва очень узка и высоты почти подходят къ обоимъ берегамъ; но потомъ она расширяется и образуетъ равнину болѣе версты шириною. Равнина пересѣчена была арыками (водопроводными канавками), слѣды которыхъ въ настоящее время совершенно исчезли. Всѣ гряды возвышенностей совершенно безлѣсны и доступны для движенія артилеріи; но тамъ, гдѣ склоны и подъемы горъ круче, орудія могутъ двигаться только шагомъ. Лощины и ложбины также лишены были всякой растительности; лишь выгорѣвшая, потерявшая цвѣтъ, засохшая, рѣдкая трава покрывала ихъ.

Отрядъ тронулся въ пять часовъ утра, когда еще не разсвѣтало, перешелъ два рукава ручья Узунъ-Агача и направился къ ущелью, черпавшемуся между высотами ближайшей къ пикету горной цѣпи. На высотахъ мелькали киргизскіе пикеты. Замѣтивъ движеніе отряда, они подняли крикъ, начали отходить и скрылись за возвышенностями, въ долину ручья Кара-су. Впереди шла наша кавалерія съ ракетными станками; отрядъ двигался въ походномъ порядкѣ.

Пройдя ущелье и выйдя въ долину Кара-су, отрядъ увидѣлъ, что горная гряда *B* была покрыта разбѣжавшими кучками сартской конницы; высоты, пройденныя отрядомъ, также зачернѣли показавшимся непріятелемъ. Штабсъ-капитанъ Обухъ, съ сотнею казаковъ и коннымъ дивизиономъ, рысью двинулся впередъ; но казачьи кличи отстали и артилерія прискакала одна на берегъ ручья Кара-су. Непріятель, замѣтивъ это, мгновенно спѣшился, спустился съ высотъ и бросился на орудія. Осыпанныя въ упоръ картечью, толпы коканцевъ отхлынули, но, оправившись, похѣли снова. Между тѣмъ подоспѣли казаки, на-рысѣхъ подѣхалъ батарейный взводъ и прибѣжала стрѣлковая рота. Коканцы, не выдержавъ огня, сѣли на лошадей и быстро удалились чрезъ невысокую гряду возвышеній. Киргизы, бывшіе болѣе любопытными зрителями происходившей предъ ихъ глазами схватки, чѣмъ участниками, начали поспѣшно уходить на югъ по гребнямъ первой цѣпи возвышеній. Обухъ подѣхалъ къ начальнику отряда.

— «Поздравляю васъ, Герасимъ Алексѣевичъ, съ окончаніемъ дѣла» — весело проговорилъ онъ.

Переваливъ чрезъ гряду *B*, отрядъ увидѣлъ, что непріятель поспѣшно очищаетъ третью гряду возвышенностей *C* и уходитъ въ долину рѣчки Кара-Кастекъ. Толпы киргизовъ, избѣгая дѣйствія ракетъ, держались на почтительномъ разстояніи, влѣво отъ пути наступленія отряда, на высотахъ. Спустившись въ долину рѣчки Кара-Кастекъ и пройдя болѣе пяти верстъ отъ мѣста ночлега, отрядъ немного остановился. Пѣхота принялась сравнивать спускъ къ рѣчкѣ и подъемъ

на противоположный берегъ. Давно уже разсвѣло; степное октябрьское солнце сіяло во всей красѣ. День былъ безоблаченъ и обѣщалъ быть даже жаркимъ.

Вдоль лощины, у подошвы окоймляющихъ ее высотъ, по лѣвому берегу рѣчки, тронулась кавалерія (три сотни) съ дивизиономъ конныхъ орудій, въ головѣ отряда; потомъ двѣ роты (Соболева и стрѣлковая Шанивскаго), имѣя въ интервалѣ батарейный взводъ, а нѣсколько сзади, въ арьергардѣ, двигалась рота Сяркового. На лѣвомъ флангѣ боевого порядка шла сотня казаковъ съ ракетными станками Вроченскаго. Коканская конница, продолжая отступленіе, кружилась передъ отрядомъ, задирая нашихъ и выкидывая штуки молодечества. Батыри (молодцы) нарочно сновали вдоль наступавшаго нашего фронта, держась вѣдъ ружейнаго выстрѣла и вызывая съ нашей стороны только бесполезную трату патроновъ.

Пройдя пять верстъ по рѣчкѣ, отрядъ, миновавъ широкую лощину *C*, впадающую съ сѣвера въ долину, вышелъ изъ ущелья рѣки Кара-Кастекъ и увидалъ передъ собою главные силы непріятеля. Ближайшая господствующая надъ равниною высота *D* была занята пѣхотною колоною сарбазовъ, человекъ въ тысячу. Люди были одѣты въ красные кафтаны, имѣли на головѣ черныя мерлушачьи шапки. Окружныя высоты *E*, *F*, значительно командующія надъ горою, были покрыты массами коканцевъ: кавалерія занимала высоты *E*, густая пѣшая колонна, въ нѣсколько тысячъ человекъ, высоты *F*. Изъ лощины *G* внезапно появилась значительная спѣшенная колонна, какъ разъ на флангѣ роты Сяркового, составившей, какъ извѣстно, арьергардъ нашего малочисленного отряда. Казачья сотня и ракетные станки гнали въ это время толпы киргизовъ, двигавшихся по лѣвой грядѣ возвышеній. Эта негодная масса, держась на почтительномъ разстояніи отъ ракетныхъ станковъ, впрочемъ увеличивала декоративный эффектъ представлявшагося отряду зрѣлища. На пройденныя уже нами высоты лѣваго берега начали высыпать толпы разнаго сброда, не смѣвшія показаться вначалѣ, и понемногу спускались въ долину рѣчки, къ правому берегу которой, въ то же время, стали выльзать изъ-за гребней боковыхъ высотъ отдѣльныя кучки всадниковъ. Отрядъ нашъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Онъ остановился....

— «Герасимъ Алексѣевичъ! позвольте васъ поздравить съ началомъ дѣла» обратился поручикъ Вроченскій къ начальнику отряда.

Впереди приостановилась стрѣлковая рота съ артилерією и сотнею казаковъ; на флангѣ ихъ казаки съ ракетными станками; за ними рота Соболева и двѣ сотни. Сяроковскій подходилъ съ своею ротою

на соединеніе къ главнымъ силамъ, но, увидавъ появившуюся у него на флангъ колонну, повернуть роту нѣuvo и началъ отступать цѣпью безъ резерва. Пѣхота коканская раздалась и густая масса коканской кавалеріи понеслась на цѣпь. Рота была охвачена мгновенно.... Гдѣ успѣли построить кучки, гдѣ пришлось отбиваться въ одиночку. Ротный командиръ былъ раненъ саблею въ щеку. Личный примѣръ юнкера Шорохова (*), успѣвшаго отбиться съ двѣнадцатью солдатами, поддержалъ бодрость въ другихъ.

Вроченскій, увидавъ суматоху сзади, бросилъ своихъ ничтожныхъ противниковъ-киргизовъ и, не теряя ни минуты, помчался назадъ и врубился съ казаками въ толпы сартовъ; въ то же время подоспѣлъ штабъ-капитанъ Обухъ, отринуемый начальникомъ отряда съ сотнею казаковъ и однимъ коннымъ орудіемъ. Рота была выручена и коканцы беспорядочною толпою скрылись въ лощину G.

Позиціи непріятеля лежала параллельно нашего наступленія: пришлось ломать фронтъ.

Стрѣлковая рота составила лѣвый флангъ; всѣ шесть орудій выстроились противъ высоты D, образовавъ съ казаками центръ, а рота Соболева правый флангъ. Рота Сырковского и казачья сотня съ Вроченскимъ пристроились подъ угломъ противъ лощины G и пройденныхъ высотъ, окомлявшихъ съ юга эту лощину. Киргизовъ-зрителей, спускавшихся къ правому берегу рѣчки, оставили почти безъ вниманія.

Артилерія, обстрѣливъ высоту, разстроила колонну сарбазовъ. По приказанію начальника отряда, поручикъ Шаняевскій бросился съ ротою, на «ура!» штурмовать гору. Послѣ короткой рукопашной схватки, сарбазы были сброшены съ горы и побѣжали внизъ. Гора очутилась въ нашихъ рукахъ. Артилеріи было приказано взѣхать на гору. Разлившіеся арыки разрыхлили почву и образовали болотцо между берегомъ рѣчки и подошвою горы. Орудія могли пробираться къ горѣ только справа по одному, по узкой дорогѣ. Второе батарейное орудіе, переѣзжая грязный арыкъ, въ полтора саженяхъ отъ подошвы горы, грузно засѣло въ канавѣ. Конныя орудія забрали вѣuvo по болотцу; послѣднее конное орудіе тоже завязло. Двѣ сотни съ подполковникъ Шайтановымъ прорысили мимо на гору. Подпоручикъ Курковскій (**), командовавшій батарейнымъ взводомъ, молодой человекъ атлетическаго сложенія и силы, самъ помогавъ вытаскивать свое орудіе и наконецъ успѣлъ взвести его на гору; но конное такъ и

осталось внизу. Его уже некогда было взвозить: коканцы начали рѣшительную атаку противъ горы и противъ войскъ на равнинѣ.

Густая масса непріятельской пѣхоты, спустившись съ высотъ F, двинулась по лощинѣ H на роту Соболева; большая конная масса поскакала по контрфорсу ED на лѣвую сторону горы. Скаты всѣхъ возвышенностей, болѣе отдаленныхъ, зачернѣли спускавшимися толпами, несмѣвшими прежде далеко высунуться изъ-за гребней. Пять нашихъ орудій были придвинуты къ правому скату горы D. Сотни Бутакова, спустившись немного, на полуторѣ прикрыла это новое построеніе и затѣмъ очистила фронтъ предъ батареею; стрѣлковая рота, за исключеніемъ полувзвода, оставленнаго внизу у коннаго орудія, разсыпалась по гребню, на флангахъ. Двѣ сотни казаковъ Шайтанова двинулись на встрѣчу приближавшейся азіатской кавалеріи по гребню E D. Завязшее орудіе было вытасчено изъ тины и поворочено такъ, что могло анфилировать наступавшую непріятельскую колонну. Рота Соболева развернулась. Остальнымъ войскамъ было не до помощи, если вспомнимъ расположеніе нашихъ силъ и силъ непріятельскихъ. Шайтановъ врубился съ сотнями въ коканскую конницу и отбросилъ ее назадъ. Пѣшая колона, наводнившая лощину, своимъ правымъ флангомъ двигалась вдоль подошвы возвышенности D, не далѣе 75 саженъ отъ орудій. По коканцамъ былъ открытъ картечный огонь; нижнее орудіе низало густыя толпы непріятеля продольнымъ огнемъ. Дѣйствіе картечи, на такомъ близкомъ разстояніи, чрезъ тарель и мушку, и по такимъ густымъ толпамъ было ужасно: въ массахъ коканцевъ картечь буквально вырывала цѣлыя улицы. Наступавшіе не выдержали и бросились назадъ, провожаемые боковыми выстрѣлами батарей. Каждое орудіе сдѣлало въ нѣсколько минутъ, пока продолжалась атака коканцевъ, по четыре выстрѣла картечью. Занятіе горы D и отраженіе общей атаки коканцевъ стоило отряду 15 человекъ убитыми и ранеными. Самъ начальникъ отряда при этомъ получилъ контузію. Непріятельская пѣхота и кавалерія отошли за гряды возвышенностей, сосѣднихъ съ высотой D.

Подполковникъ Колпаковскій, пройдя еще версты двѣ по высотамъ E D., за ухидившими коканцами, не рѣшился продолжать дѣла. Патроны были почти всѣ выпущены; люди, голодные, усталые, испавшіе, пришли въ изнеможеніе; артилерійскія лошади, которымъ безпрестанно приходилось возить орудія по гористой и пересѣченной мѣстности, едва переводили духъ. Колпаковскій повелъ отрядъ ложицею рѣчки Кара-Кастекъ къ кургану Саурука. Въ арьергардъ оставлены были батарейный взводъ и стрѣлковая рота. Завидя обратное

(*) Штабъ-капитанъ 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

(**) Майоръ, исыкъ кульскій уездный начальникъ.

движеніе отряда, непріятель началъ преслѣдованіе. Очищая свободно намъ путь впереди, онъ спустился съ возвышенностей, напирая на фланги и тылъ. Фланговая атака была слаба. Коканцы и киргизы болѣе кружились и угрожали; но атаки на арьергардъ только сдерживались картечнымъ огнемъ почти въ упоръ. Непріятель насѣдалъ на насъ впрочемъ не болѣе какъ на разстояніи одной версты. Незначительное обстоятельство имѣло вліяніе на истощеніе его энергіи: любимый *бача* (мальчигъ, замѣняющій любовницу у зажиточныхъ сартовъ) Канаатъ-Ша былъ убитъ, и коканскій главнокомандующій, пораженный этою потерей, пересталъ распоряжаться. Атаки сартовъ тогда почти прекратились.

Пройдя 17 верстъ съ разсвѣта и выдержавъ упорное дѣло съ коканско-киргизскимъ скопищемъ, усталый отрядъ вышелъ въ часъ пополудни на кастекскую дорогу, къ кургану Саурука. Киргизы зажгли въ это время склады сѣна у кургана и траву. Степной пожаръ распространился въ сосѣдствѣ нашего отряда.... однако вѣтеръ погналъ его въ другую сторону. Самому отряду пожаръ былъ не страшенъ; но искры могли воспламенить разсохшіеся и растрескавшіеся зарядные ящики.

Войска прошли еще семь верстъ по дорогѣ къ Кастеку. Сотня казаковъ была отправлена отвезти раненыхъ въ Кастекъ и привезти оттуда патроновъ. Тяжело-раненыхъ, сколько могло помѣститься, сложили въ единственную, бывшую при отрядѣ, телѣгу. Для оказанія раненымъ первоначальной помощи, при отрядѣ находился только одинъ медикъ, Маціевскій (*), который и отправился съ ранеными въ Кастекъ.

Движеніе по кастекской дорогѣ было предпринято въ видахъ скорѣйшаго полученія патроновъ. Начальникъ отряда хотя и разгадалъ намѣреніе непріятеля обойти его, но, кажется, все еще продолжалъ бояться за Кастекъ, потому что оставилъ кастекскій гарнизонъ въ его прежнемъ составѣ и держалъ по прежнему свои силы раздѣленными, несмотря на то, что силы непріятеля и положеніе дѣла достаточно выяснились послѣ дѣла на Кара-Кастекѣ, гдѣ мы имѣли предъ собою почти всѣ войска Канаатъ-Ша.

Подполковника Колпаковского безпокоило еще основательное опасеніе за участь нашего предположеннаго поселенія Кескелена, куда только на дняхъ прибыло нѣсколько сотъ поселенцевъ изъ Бійскаго округа—людей мирныхъ, пчеловодовъ, вдругъ попавшихъ въ омутъ

(*) Нынѣ коллежскій совѣтникъ и старшій врачъ 10-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

военной тревоги. Непріятель, отдѣливъ отрядъ отъ Кара-Кастека, могъ быстро явиться перѣдъ нашимъ необстроеннымъ выселкомъ и захватить поселянъ. Эта удача сообщилась бы, какъ искра, за рѣку Или, гдѣ на расположеніе къ намъ адбановскихъ волостей рассчитывать было нечего. Султаны Тезекъ и Джангазы Сюковъ, почти съ недѣлю получившіе письма Колпаковского, выжидали разъясненія обстоятельствъ: въ волостяхъ готовились подарки коканскимъ вождамъ и кочевники ждали съ нетерпѣніемъ перваго успѣха непріятеля, думая перейти рѣку Или и обрушиться на Вѣрное. Партии адбановскихъ развѣдчиковъ шныряли между Узунъ-Агачемъ и Вѣрнымъ, чтобы немедленно извѣстить объ успѣхѣ коканцевъ своихъ султановъ и биевъ и возмутить киргизовъ поголовно. Прибавлю къ тому полную недостаточность развѣдочныхъ средствъ въ отрядѣ: ни одного вѣрнаго извѣстія не сообщалось начальнику округа. Наконецъ, самыя передвиженія непріятеля производились съ болѣею быстротою чѣмъ наши, вслѣдствіе того, что всѣ коканскія силы заключались преимущественно въ кавалеріи.

Позволю себѣ сдѣлать отступленіе отъ предмета настоящаго очерка и коснусь взгляда, вкрадывающагося, въ настоящее время, въ сужденія о методѣ и приемахъ веденія войны съ среднеазіятцами. Не указывая на личности, скажу только, что взглядъ этотъ хотя и оправдывается постоянными успѣхами, но можетъ извратить понятія о правилахъ, выработанныхъ теоріею военного искусства, слѣдовательно и не дѣстъ прочнаго залога въ будущемъ, при какомъ либо серьезномъ столкновеніи Россіи, въ опытности и вѣрности военнаго взгляда офицеровъ, дѣлавшихъ походы въ Средней Азіи, если имъ придется играть самостоятельную роль и взвѣшивать шансы на успѣхъ въ борьбѣ съ болѣе серьезнымъ противникомъ. Мы привыкаемъ идти на проломъ съ тѣмъ, что у насъ есть подъ рукою, не задумываясь надъ вопросомъ: какъ выгодноѣе подготовить обстановку столкновенія—группировкою, на примѣръ, предварительною войскою, на сколько она возможна при скудной вообще числительности войскъ, и правильнымъ употребленіемъ въ бою каждаго рода оружія, сообразно его назначенія. Всѣ подобныя соображенія замѣняются безотчетнымъ духомъ рыцарства и полиѣйшаго презрѣнія къ противнику.

Наши войны съ азіятцами должны быть практическою школою для нашихъ офицеровъ, и если изученіе большихъ войнъ необходимо для каждаго военнаго, то указаніе на возможность ошибокъ, хотя бы въ азіатской войнѣ, показываетъ, что если примѣненіе правилъ военнаго искусства видоизмѣняется согласно мѣстныхъ условій и привы-

чекъ, усвоенныхъ нашими противниками, то *военные афоризмы* неизмѣнны. За пренебреженіе къ нимъ начальники *платятся* въ войнѣ европейской, а въ войнѣ азіатской *могутъ заплатить* за то же. При теперешнемъ ничтожномъ вооруженіи нашего непріятеля, дробленіе силъ и забвеніе тактическихъ требованій неопасно; но условія могутъ измѣниться. Непріятель присмотрится къ нашему образу веденія войны, а человекъ способный, хотя бы и въ бѣлой чалмѣ, разгадаетъ тѣ нехитрыя истины, которыя даются всякому, обладающему проницательностію и энергіею. Мы сроднились, изъ вѣковѣчнаго опыта, съ убѣжденіемъ, что чѣмъ смѣлѣе идти на азіатца, тѣмъ скорѣе онъ побѣдитъ; но за то и азіатецъ понимаетъ, что чѣмъ менѣе стоитъ противъ него русскихъ, тѣмъ бѣшенѣе можетъ онъ лѣзть. За чѣмъ же образомъ нашихъ дѣйствій вводить непріятеля въ искушеніе и давать широкій ходъ случаю? Ранѣе я указывалъ на рѣдкіе, хотя и горькіе для насъ опыты подобной отважности; но здѣсь повторю только, что начальникъ, гдѣ бы ни служилъ, и противъ какой бы дряни ни дѣйствовалъ, не долженъ забывать стратегическихъ истинъ, точно такъ же какъ и войска не должны пренебрегать тактическими указаніями. Тридцать разъ пройдетъ, на тридцать первый можетъ достаться.

Люди, послужившіе въ Средней Азіи, часто указываютъ на то, что среднеазіатская война такова, что къ ней не всегда примѣнимы начала, выработанныя изъ опыта европейскихъ войнъ. Не думаю, чтобы это было совершенно вѣрно. Для побѣды мы должны имѣть наибольшіе шансы на успѣхъ въ нашихъ рукахъ и идти къ тому, чтобы побѣда была возможно-полною. Успѣхъ въ нашихъ схваткахъ, въ Средней Азіи, почти всегда заранѣе обезпеченъ; но надобно, чтобы этотъ успѣхъ имѣлъ истинную, а не призрачную важность. Положимъ, что среднеазіатцы таковы, что на скопище въ нѣсколько тысячъ не страшно идти съ одною ротою. Но если одна рота одержитъ верхъ надъ подобнымъ скопищемъ, то двѣ разобьютъ его, три разгромить совершенно, а при четырехъ не уйдетъ изъ него ни одного человека. Нечего гоняться за эффектомъ несоразмѣрности силъ при одержанной побѣдѣ; надобно ловить хотя не столь громкое, но болѣе существенное во всякой войнѣ. Въ виду достиженія возможно полныхъ результатовъ, слѣдуетъ передъ боемъ избѣгать дробленія своихъ войскъ, т. е. поступать совершенно такъ же, какъ поступили бы мы и въ европейской войнѣ.

То же самое можно сказать о соблюденіи тактическихъ условій въ среднеазіатской войнѣ. Пѣхота, сохранившая свои патроны для паль-

бы съ близкаго разстоянія, нанесетъ непріятелю большій вредъ, чѣмъ та же пѣхота, оставшаяся безъ патроновъ и дѣйствующая одними штыками. При нынѣшнихъ прекрасныхъ орудіяхъ въ артилеріи, нечего и думать открывать огонь съ предѣльнаго разстоянія по непріятелю въ Средней Азіи; надобно стрѣлять тогда, когда каждый снарядъ навѣрняка попадетъ въ толпы. Конница, пущенная довершать побѣду, точно также болѣе и скорѣе изрубитъ и захватитъ бѣгущихъ, чѣмъ употребленная въ началѣ дѣла. Взвѣсивая всѣ эти доводы, придемъ и здѣсь, слѣдовательно, къ заключенію, что правильное примѣненіе вѣками выработанныхъ тактическихъ указаній послѣдствія обыкновенно-вѣрной побѣды разовьетъ до возможныхъ предѣловъ и увеличитъ потери непріятеля въ нѣсколько разъ, т. е. приведетъ къ результатамъ такимъ же, какъ бы и въ европейской войнѣ.

Полевые сраженія съ среднеазіатцами тѣмъ разнятся отъ бывшихъ сраженій нашихъ съ турками, до переформированія послѣднихъ въ регулярныя войска, что турки, отличаясь одушевленіемъ, имѣя оружіе не уступавшее нашему, и массу отличной кавалеріи, дѣйствовали въ началѣ боя натискомъ, обрушиваясь всею массою на насъ. Лишь только кризисъ ослабѣвалъ (буквально «кризисъ», потому что обыкновенно натискъ бывалъ ужасенъ), слѣдовало тотчасъ же идти впередъ, не давая туркамъ опомниться отъ минутнаго ошалѣнія. Инстинктъ самохраненія заставлялъ броситься на врага немедленно. Въ полевыхъ дѣлахъ въ Средней Азіи, противникъ нашъ, напротивъ, дѣйствуетъ обыкновенно вяло и плохо вооруженъ, такъ что отрядный начальникъ можетъ сохранить полное хладнокровіе и распоряжаться въ дѣлѣ, какъ на одностороннемъ маневрѣ или на ученѣ съ боевыми патронами. Мы же, кажется, желаемъ провести тотъ взглядъ, что надо дѣйствовать натискомъ, по турецки, и, разумѣется, наткнувшись на стойкаго и хорошо вооруженнаго противника, можемъ испытать тотъ же психическій процессъ—ошалѣемъ. Правда, мы сражаемся въ силахъ болѣе несоразмѣрныхъ въ Средней Азіи, чѣмъ когда-то сражались противъ турокъ, и идемъ иногда въ пропорціи 1 : 25, тогда какъ на турокъ только разъ шли 1 : 9. Но сраженія съ послѣдними, по большей части, начинались натискомъ съ ихъ стороны, а въ сраженіяхъ въ Средней Азіи мы чаще предоставляемъ себѣ начинать и вести бой; слѣдовательно, вопросъ о несоразмѣрной оцѣнкѣ нравственнаго духа противника не можетъ служить подтвержденіемъ того, что слѣдуетъ держаться исключительно прежняго турецкаго образа дѣйствій. Недавній собственный опытъ, гдѣ пред-

ставлялась полная возможность всмотрѣться въ ходъ полевыхъ сраженій съ среднеазіятскими ополченіями, наглядно убѣдилъ меня въ качествахъ этихъ ополченій. Это были толпы, напоминающія болѣе театральныхъ статистовъ, чѣмъ дѣйствительныхъ воиновъ. Отрядному начальнику остается только маневрировать противъ нихъ какъ на ученьѣ.

Дождавшись патроновъ, отрядъ пошелъ опять на Узунъ-Агачъ въ сумерки, и прибылъ туда въ глухую ночь. Очевидцы рассказываютъ, что усталость войскъ была чрезмѣрна: люди падали сонные, какъ только задерживалась колонна; но бодрость не оставляла наши выносливые войска. Только тронуты опять—и, сонные, поднимаются и догоняютъ колонну. Послѣ полуночи отрядъ уже бивуакировалъ на Узунъ-Агачѣ, выдержавъ 21-го октября восьми-часовое дѣло и пройдя въ цѣлый день 44 версты.

Передъ Кастекомъ все было спокойно. 20-го октября, тотчасъ послѣ отбытія отряднаго начальника, партія киргизовъ прогарцовала съ гикомъ подъ стѣнами укрѣпленія, причемъ былъ раненъ нами свой же казакъ, а въ ночь на 21-е, два киргиза, Нюсюпъ Куйтебековъ и Кюйлебай, привезли запоздавшій рапортъ Соболева о томъ, что онъ окруженъ. Въ лагерѣ кокандцевъ было полное спокойствіе.

21-го октября, вечеромъ, у Канаатъ-Ша происходило совѣщаніе. Нерѣшительный предводитель, испуганный громадною потерей въ битвѣ, не зналъ на что рѣшиться, хотя на словахъ и настаивалъ на вторичной атакѣ русскихъ. Рустембекъ и Шааманъ-ходжа высказались противъ этого; послѣдній объявилъ, что уведетъ своихъ ташкентцевъ назадъ. Вслѣдствіе подобныхъ заявленій, рѣшено было окончить походъ и потянуться за рѣку Чу, домой. Канаатъ-Ша, объявивъ, что позднее время года, недостатокъ продовольствія и совершенная заморенность лошадей не позволяютъ продолжать похода, 22-го октября началъ отступление съ Кара-Кастека къ Сарымсаку, и, не останавливаясь, шелъ назадъ за рѣку Чу, куда потянулся изъ Джиринъ-Айгыра оставленный въ лагерѣ отрядъ съ пушками. Отступление совершалось, впрочемъ, медленно; раненые сильно задерживали движеніе, особенно при подъемѣ на курдайскій перевалъ. На привалахъ хоронили умершихъ изъ числа раненыхъ, страдавшихъ отъ ночныхъ холодовъ. За рѣкою Чу ополченіе стало расходиться и возвратилось по домамъ: кто въ попутные города, кто въ Ташкентъ, кто въ ханство Кокандское. За свой неудачный походъ Канаатъ-Ша не лишился расположенія хана; напротивъ, впослед-

ствіи, онъ получилъ какое-то повышеніе и былъ убитъ въ войнѣ Кокана съ Бухарою.

На пути къ Узунъ-Агачу, 21-го октября, вечеромъ, нашъ отрядъ не встрѣтилъ непріятеля. На разсвѣтѣ 22-го, есаулъ Бутаковъ, отправленный рекогносцировать позицію кокандцевъ, на которой они выдержали бой наканунѣ, привезъ извѣстіе, что вся долина рѣчки и окружающія ее возвышенности очищены непріятелемъ. Съ высотъ же видны были облака пыли. Непріятель удалялся, казалось, къ Сарамсаку. Маіору Экебладу предписано было въ тотъ же день произвести съ кавалеріею рекогносцировку къ кокандскому становищу.

Въ дѣлѣ 21-го октября, оставшемся въ памяти жителей Заилійскаго края, подъ названіемъ «узунъ-агачскаго», хотя правильнѣе называть его кара-кастекскимъ, отрядъ нашъ, состоявшій изъ 800 человекъ съ 6-ю орудіями, отбросилъ скопище изъ 19,000 кокандцевъ и киргизовъ съ 2 орудіями, которыя, впрочемъ, въ дѣло введены не были. Потеря наша состояла изъ двухъ убитыхъ нижнихъ чиновъ; ранено и контужено два офицера (подполковникъ *Колмаковский* и подпоручикъ *Сялковскій*) и 30 нижнихъ чиновъ. Коканцы и ихъ союзники лишились 400 человекъ убитыми и до 600 раненыхъ; многіе изъ этихъ несчастныхъ умерли во время сильныхъ ночныхъ холодовъ, при возвращеніи войскъ за рѣку Чу. Въ рукахъ нашихъ осталось нѣсколько мелкихъ трофеевъ: 150 ружей разнаго образца, сабли, пики и одинъ значекъ. Кокандскіе начальники вели себя въ дѣлѣ храбро. Шесть пѣтисотниковъ (пансатовъ) и десять сотниковъ (джусъ-баши) легли на полѣ битвы.

Въ тылу дѣйствующаго отряда, во время дѣйствій между Кастекомъ и Узунъ-Агачемъ, происходило сильное безпокойство. Ближайшій къ мѣсту битвы Кескеленскій выселокъ былъ перетревоженъ появленіемъ вблизи киргизской шайки. Населеніемъ овладѣла паника. — «Къ вашему благородію», писалъ станичный начальникъ, 21-го октября, въ укрѣпленіе Вѣрное, «прошу васъ пришлите поскорѣе орудію или казаковъ съ полевыми патронами или солдатъ». А начальникъ пикета очутился еще болѣе въ затруднительномъ положеніи, когда казаки укрылись въ укрѣпленіе Вѣрное.

Въ Вѣрномъ, по валамъ, разставляли рѣдкую пѣхотную цѣпь и ждали нападенія. Записка съ Кескелена о нападеніи встревожила населеніе еще болѣе. Горное орудіе, взятое изъ склада, съ прикрытіемъ изъ 60 человекъ, было послѣшно отправлено къ Кескелену, на выручку. Мелкія шайки бродили вокругъ станицъ, но дороги

еще не были отрѣзаны. Кому нужно было выѣхать, тѣ успѣли выбраться.

Такъ командиръ 2-й бригады 24-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Масловскій, находившійся по дѣламъ службы въ Вѣрномъ, безпрепятственно доѣхалъ до Копала (370 верстъ), гдѣ 25-го числа (какъ сообщалъ командиръ 4-й казачьей бригады, въ отзывѣ Алатавскому окружному начальнику отъ 26-го октября № 1214), «при общемъ собраніи начальствующихъ лицъ и чиновника особыхъ порученій маіора Подревскаго, предъявилъ, что онъ находитъ положеніе Заилійскаго края очень опаснымъ, по случаю готовящагося нападенія ташкентцевъ и черныхъ киргизовъ».

Вслѣдствіе этого заявленія, командующій войсками въ Копальскомъ округѣ, полковникъ Казачининъ, думалъ уже двинуть сколько можно было собрать войскъ на рѣку Или, по удаленіе коканцевъ сдѣлало помощь эту излишнею.

За станицами запылало сѣно, подожженное бродившими киргизами... населеніе начало готовиться къ атакѣ со стороны киргизовъ. Дѣти и женщины высыпали на улицы, люди стали къ орудіямъ, нѣсколько казаковъ и лавочниковъ русскихъ проскакали за ворота, по направленію къ пожару; старый сибирскій казакъ Дѣевъ мчался за ними, потрясая пикой и крича народу: «благословляйте, православные!»

Въ вечеру казаки и лавочники вернулись въ Вѣрное, рассказывая разные ужасы и передавая про свои подвиги; вернулся и казакъ Дѣевъ, ѣздившій дозоромъ кругомъ станицы, а затѣмъ прибылъ вліятельный султанъ Тезекъ Нураліевъ. Тезекъ, котораго въ обыкновенныхъ поѣздкахъ и выѣздахъ сопровождало всегда болѣе сотни человекъ свиты, и который имѣлъ полную возможность собрать съ волостей тысячу человекъ конныхъ, «изъ преданности къ правительству, на отраженіе бунтовщиковъ», привелъ съ собою двадцать киргизовъ. Султанъ Джангазы Сюковъ, гдѣ-то притаивъ въ окрестностяхъ Вѣрнаго, выжидалъ куда подуетъ вѣтеръ.

Въ ночь на 23-е октября привезли раненыхъ и пришло требованіе начальника округа выслать на Кескеленъ патроны, заряды и спиртъ для отряда. Поселеніе узнало о побѣдѣ русскихъ и отдохнуло.

24-го октября, подполковникъ Колпаковскій, приказавъ перевести часть отряда къ Кескелену и убѣдившись, что главныя непріятельскія силы отступаютъ, прибылъ въ укрѣпленіе Вѣрное. Султанъ Джангазы Сюковъ и еще нѣсколько киргизовъ, выдававшихъ себя

за друзей русскихъ, явились къ нему съ поздравленіями и съ предложеніемъ услугъ. Приѣмъ былъ суровый. Для провѣрки новыхъ слуховъ, что коканскія скопища продолжаютъ оставаться у Сарамска, гдѣ поджидаютъ новаго подкрѣпленія, въ дѣйствующій нашъ отрядъ былъ отправленъ султанъ Тезекъ, начавшій угождать намъ очень усердно. Подполковнику Шайтанову, оставшемуся за начальника отряда, приказано выступить съ Кескелена на встрѣчу непріятелю, при первомъ его приближеніи, а маіору Экебладу подтверждено приказаніе, отданное ему 22-го октября: произвести рекогносцировку къ мѣсту расположенія коканскаго лагеря до битвы съ нами. 24-го октября, сотенный командиръ, остававшійся для прикрытія нашихъ сообщеній на Заилійскомъ пикетѣ, донесъ, что «пикетъ находится въ благополучіи»: 26-го октября лазутчики-киргизы принесли положительныя извѣстія, что непріятель отступаетъ, и прапорщикъ линейнаго № 8-го баталіона Снегосоревъ былъ отправленъ въ Омскъ, къ корпусному командиру, съ донесеніемъ объ отраженіи непріятеля. 27-го числа не осталось никакого сомнѣнія, что коканскія войска ушли совершенно; Шайтанову было послано приказаніе привести отрядъ въ укрѣпленіе Вѣрное. Мелкое броженіе киргизовъ вокругъ нашихъ поселеній еще продолжалось послѣ того, но перечисленіе принятыхъ съ нашей стороны мѣръ, для прекращенія одиночныхъ разбоевъ, не представляетъ общаго интереса. Укажу только, въ виду его характеристичности, приказъ начальника округа по казачьему населенію, послѣ отступленія коканцевъ, отъ 15-го ноября:

«Послѣднія обстоятельства, сопровождавшіяся нашествіемъ къ намъ 40,000 коканцевъ, возмущившихъ противъ насъ большое число киргизовъ и имѣвшихъ намѣреніе завоевать всѣ наши заилійскія поселенія, доказали, что намъ, какъ было прежде, нельзя жить спустя рукава и полагаться на авось или на то, что мы находимся внѣ всякой опасности; но надо быть готовыми, во всякое время, для отраженія непріятеля и для защиты своихъ поселеній». — Послѣ такого вступленія предписывается: «внушить жителямъ, что, въ случаѣ новаго вторженія непріятеля, они не должны надѣяться, что регулярныя войска придутъ защищать ихъ. Войскъ этихъ такъ мало здѣсь, что всѣ они будутъ выведены для полевого дѣйствія, станицы же должны быть обороняемы собственными средствами». Затѣмъ приказывалось: 1) Обучать новыхъ казаковъ обращенію съ оружіемъ и стрѣльбѣ. 2) Всѣхъ здоровыхъ мущинъ, достигшихъ 16-ти лѣтъ, раздѣлить на команды, по сту двадцати человекъ, съ выбранными изъ нихъ же ефрейторами и урядниками и опредѣлить для каждой

команды сборный пунктъ. 3) Ночью не выходить изъ станицъ, потому что большая часть жителей уѣзжаетъ въ поле или въ дѣсь не только по одиночкѣ, но даже и безъ оружія. Взять даже однѣ женщины. 4) Не растаскивать рогатокъ, замыкающихъ выходы изъ улицъ; рогатки непременно сколотить, чтобы онѣ, по произволу каждаго, не могли быть раздвигаемы, и затѣмъ подтвердить жителямъ, что если, послѣ настоящаго подтвержденія, осмѣлятся кто нарушить это приказаніе, то виновный не только какъ ослушникъ распоряженій правительства, но какъ измѣнникъ, рѣшившійся противодѣйствовать принимаемымъ противъ непріятеля военнымъ мѣрамъ, для примѣра будетъ преданъ военному суду».

Настоящій очеркъ составленъ по подлиннымъ даннымъ, дополненъ разсказами очевидцевъ и ни въ чемъ не уклоняется отъ строгой передачи фактовъ. Кромѣ того, для разъясненія нѣкоторыхъ недоразумѣній, я имѣлъ возможность пользоваться указаніями главнаго дѣйствующаго лица узунъ-агачскихъ событій. Описаніе дѣлъ 19-го, 20-го и 21-го октября провѣрено на самомъ полѣ сраженія, при наброскѣ приложеннаго къ описанію очерка мѣстности. Нашествіе коканцевъ въ 1860 году до сихъ поръ свѣжо сохранилось въ памяти жителей и составляетъ для Запѣйскаго края мѣстную эпопею, въ родѣ, напримѣръ, воспоминаній о кавказскомъ генералѣ Слѣпцовѣ, въ поселеніяхъ бывшаго 1-го Сунженскаго полка на Кавказѣ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и событіямъ у Кастека будетъ придавъ легендарный оттѣнокъ, такъ что довольно замѣтный эпизодъ изъ начальныхъ завоеваній нашихъ въ Средней Азійи исказится для исторіи. Сколько мнѣ помнится, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, миновавшихъ со времени этого событія, кромѣ коротенькихъ официальныхъ сообщеній о сраженіи, да гравюры приложенной къ «Памятной Книжкѣ», не помню за какой именно годъ, изображающей узунъ-агачское дѣло, печать наша упорно молчала о вторженіи коканцевъ въ 1860 году въ Алатавскій Округъ; ограничиваясь однѣми отрывочными фразами о немъ, она не касалась самаго описанія (*). Не затрогивая ничьей славы, сошлюсь только на лично мною слышанный отзывъ старыхъ средне-азіятскихъ служаекъ, что, во всю войну нашу въ Средней Азійи,

(*) Только въ «Артилерійскомъ Журналѣ» была помѣщена замѣтка, если не ошибаюсь, самого г. Вроченскаго о дѣйствіяхъ на Кара-Кастекѣ. Въ январской книжкѣ журнала «Русскій Вѣстникъ» за 1871 годъ, въ статьѣ «Пять недѣль въ Коканѣ», говорится о дѣйствіяхъ Колпаковского; но упоминаніе автора, дѣлая честь его желанію вывести изъ забвенія интересный для насъ эпизодъ, ничтожно въ историческомъ отношеніи.

участъ нашихъ будущихъ успѣховъ и сохраненіе пожатыхъ уже плодовъ ставились два раза на карту: подъ Кара-Кастекомъ въ 1860 году и на штурмѣ Ташкента въ 1865 году. Въ первомъ случаѣ—силою обстоятельствъ, во второмъ отважностію генерала Черныева.

Несмотря на всю боевую несостоятельность коканскаго скопища, измѣна киргизовъ и общая тревога населенія распространили почти паническій страхъ; утомленные войска наши, имѣя, къ утру 22-го октября, половинное количество патроновъ, взявъ весь запасъ находившійся въ Кастекѣ, если бы были атакованы вторично Канаатъ-Ша у Узунъ-Агача, разумѣется выдержали бы нападеніе, но исходъ боя былъ бы нерѣшительнъ, предполагая, что онъ велся бы такъ, какъ и 21-го числа. Для пополненія патроновъ намъ пришлось бы отступить къ Кескелену. Отступленіе русскихъ было бы провозглашено побѣдою, вѣсть о которой возмутила бы противъ насъ всю степь киргизовъ Большой Орды, а съ общимъ возстаніемъ рѣшилась бы и участь водворявшихся запѣйскихъ поселеній. Эти поселенія, какъ достаточно ясно изъ описанія, не были годны къ самостоятельной оборонѣ и могли быть вырѣзаны одними киргизами, съ участіемъ только части коканскихъ силъ, пока другая часть занимала бы русскій отрядъ. Разграбленіе станицъ, уводъ жителей въ неволю были бы страшнымъ событіемъ для вновь заселеннаго края. Отъ всѣхъ этихъ страшныхъ послѣдствій край былъ избавленъ дѣломъ 21-го октября. Коканцы не понесли въ немъ рѣшительнаго пораженія, строго говоря даже не были разбиты; но воинскій жаръ ихъ остылъ, а испытанныя сильныя потери ихъ отвадили, «проучили», сдѣлали то, что они не рѣшились на второе нападеніе, а, отступленіемъ своимъ, признали себя побѣжденными. Благопріятный случай для вторженія въ Запѣйскій край не представился болѣе коканцамъ. Напротивъ, завоеванія наши 1864 года заставили ихъ думать о собственной безопасности, а постоянныя удачи нашего оружія привели къ настоящему порядку дѣлъ въ Средней Азійи. Дѣло подъ Узунъ-Агачемъ спасло будущность нашихъ русскихъ поселеній за рѣкою Или и облегчило возможность будущихъ успѣховъ, потому что первый ударъ былъ направленъ, какъ извѣстно, полковникомъ Черныевымъ изъ Вѣрнаго на Ауліята. Въ этомъ отношеніи, за подполковникомъ Колпаковскимъ и его отрядомъ остается заслуга, которую будетъ помнить всегда нынѣшняя Семирѣченская Область.

Узунъ-агачскіе дѣятели не остались безъ наградъ. На реляціи

корпуснаго командира, о дѣлѣ 21-го числа, Государь Императоръ изволилъ написать:

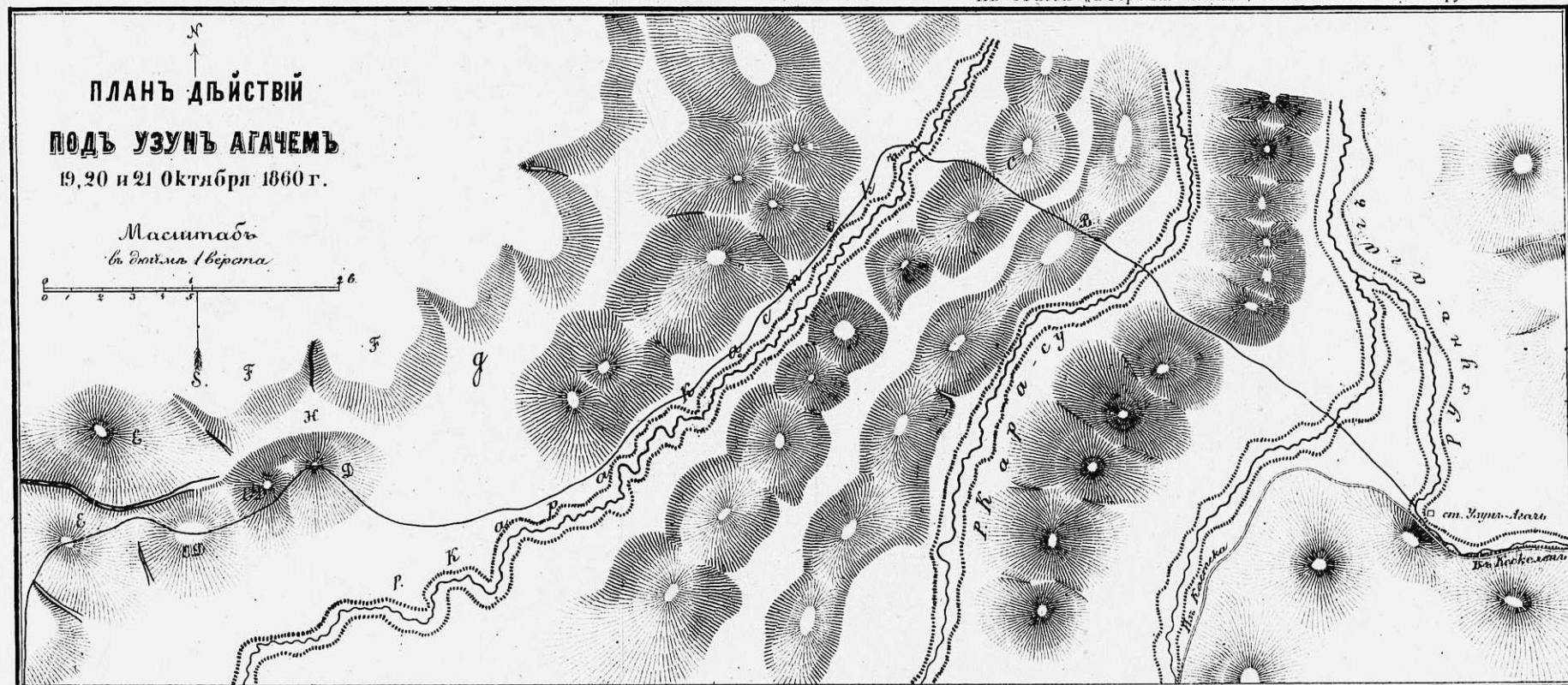
«Славное дѣло. Подполковника Колмаковского произвести въ полковники и дать св. Георгія 4-й степени. Въ отличившихся войти съ представленіемъ и възмъ штабъ и оберъ-офицерамъ объявить благоволеніе въ приказъ, а нижнимъ чинамъ дать по одному рублю серебромъ на человека. Знаки отличія военнаго ордена выслать генералу Гасфарту, согласно его желанію».

За дѣло 21-го октября на каждую роту было дано по четыре знака отличія военнаго ордена; на каждую сотню по три и на каждый взводъ артилеріи по два. Всѣ регулярныя части войскъ, дравшіяся къ этому дню, то есть три роты, дивизіонъ конной артилеріи и четвертый взводъ сибирской пѣшей батареи, получили на понахи знаки съ надписью *«за отличіе въ 1860 году»*.

Изъ офицеровъ, за дѣла 19-го, 20-го и 21-го октября, поручикъ Вроченскій переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардейскую артилерію; подпоручикъ Курковскій награжденъ слѣдующимъ чиномъ; штабсъ-капитанъ Обухъ получилъ золотую саблю; есаулъ Бутаковъ, поручикъ Соболевъ и хорунжій Ростовцевъ орденъ св. Владимира 4-й степени съ мечами; Сярговскій, Шаняевскій и есаулъ Усовъ орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами; подполковникъ Шайтановъ орденъ св. Станислава 2-й степени съ мечами; киргизъ Коджегуль-Байсеркинь тотъ же орденъ 3-й степени съ бантомъ; киргизу капитану Аблесъ-Абліеву дана на шею золотая медаль на георгіевской лентѣ; сотнику Жеребятъеву выдано 200 рублей серебромъ награды; фейерверкеръ Дудинскій произведенъ въ прапорщики въ линейный баталіонъ; фельдфебель Штиневъ попалъ въ общій списокъ нижнихъ чиновъ, награжденных знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени.

II. Пичугинъ.

Г. Вѣрный,
19-го ноября 1871 г.

Составляе П. Пичугинъ.

Лит. СТЕПАНОВА Б. МЪИ. Л. № 14.